

INSPIRIA

Дуглас СТЮАРТ

ШАГГИ БЕЙН

БРАБИ СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНИ
18+

INSPIRIA

Дуглас Стюарт

Шагги Бейн

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Стюарт Д.

Шагги Бейн / Д. Стюарт — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-161048-7

Победитель Букеровской премии 2020 года. Роман такой сокрушительной силы, настолько пронзительный и настоящий, что своей болезненной искренностью влюбил в себя тысячи читателей. Эта душераздирающая история о безусловной детской любви. А еще о зависимости, о стране, которую разъедает безработица, и о том, как сложно стать своим в обществе, от которого ты хоть на крупицу отличаешься. В 90-е годы, когда Шотландия захлебывается в бедности и безработице, Агнес Бейн мечтает о чем-то большем. Она листает модные каталоги, красится «просто так» и считает, что она слишком красива для того, чтобы работать. А еще Агнес любит выпить. И побольше. Эта история принадлежит ее сыну Шагги, для которого Агнес, несмотря ни на что, остается главным в жизни человеком. Это история о любви, незамутненной, безусловной, настоящей, о зависимости, разрушающей семью изнутри и о мальчишке, который отчаянно хотел быть просто нормальным. Жаль, что самые искренние детские мечты часто остаются несбывшимися. Агнес Бейн, когда выпьет, спит крепко. Малыш Шагги ставит ей на тумбочку четыре кружки. Вода — утихомирить похмелье. Молоко — успокоить желудок. Остатки выдохшегося стаута — снять напряжение в костях. Отбеливатель для зубов — освежить дыхание. Его он на всякий случай подписывает: «Не пить, ОПАСНО». Шагги всего лишь лет восемь, но он уже понимает: он изо всех сил хочет помочь матери и быть как все, «нормальной мальчишкой». А жизнь как назло часто несправедлива к самым искренним детским мечтам. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-161048-7

© Стюарт Д., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

1992	7
Один	7
1981	14
Два	14
Три	27
Четыре	35
Пять	39
Шесть	48
Семь	56
1982	64
Восемь	64
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дуглас Стюарт Шагги Бейн

Моей матери А. Е. Д. посвящается

**Douglas Stuart
Shuggie Bain**

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 2020 by Douglas Stuart

© Крылов Г., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2022

1992 Саут-Сайд

Один

День был серый. В это утро разум покинул его и оставил тело блуждать вниз. Под флуоресцентными лампами порожнее тело апатично выполняло рутинные действия, тогда как его душа витала над проходами и думала только о завтрашнем дне. Завтра – вот чего стоило ждать с таким нетерпением.

Шагги¹ методично готовился к своей смене. Все маслянистые осадки из кастрюль были слиты в чистые подносы. Кромки протерты от брызг, которые быстро буреют и уничтожают иллюзию свежести. Ломтики окорока красиво разложены на тарелке и украшены искусственными цветочками петрушки, оливки развернуты так, чтобы вязкий сок стекал, словно слизь, на их зеленую кожуру.

Энн Макги имела наглость позвонить этим утром и снова сказать больно, оставив его один на один с неблагоприятной задачей обслуживать его прилавок деликатесов и ее гриль-бар. Ни один день не начинался хорошо, если тебе предстояло прожарить шесть дюжин сырых курочек, а сегодня – надо же, чтобы именно сегодня – все это лишало его сны наяву сладости.

Он нанизал всех холодных, мертвых птиц на промышленные шампуры и аккуратно установил в ряд. Они лежали там, словно безголовые младенцы, со щетинистыми крылышками, скрещенными на их маленьких жирных грудках. Было время, когда он возгордился бы таким порядком. Вообще-то пронзить пупырчатую розовую плоть не составляло труда. Сложнее было сопротивляться желанию сделать то же самое с покупателями. Они прижимались к горячему стеклу и внимательно разглядывали каждое тельце. Они выбирали только лучших птиц, не давая себе отчета в том, что выращивание по методу «клеточной батареи» обеспечивает полную одинаковость продукта. Шагги стоял, пожевывая щеку задними зубами, и позволял себе реагировать на их нерешительность натянутой улыбкой. А потом пантомима начиналась по-настоящему. «Дай-ка мне сегодня три грудки, пять ножек и тока одно крылышко, сынок».

Он молился, чтобы господь дал ему силы. Почему больше никто не покупает целую курицу? Он поднимал тушку длинной вилкой, стараясь не прикасаться к птице своими руками в перчатках, потом аккуратно, оставляя шкурку, разрезал тушку поварскими ножницами. Он чувствовал себя полным идиотом, когда стоял, освещаемый огнем жаровни. Голова потела под сеточкой для волос, рукам не хватало силы, чтобы искусно разрезать спинку тупыми ножницами. Он слегка горбился, чтобы наилучшим образом направить свои спинные мышцы на помощь запястьям, и все время улыбался.

Если же ему сильно не везло, курочка соскальзывала со щипцов и шлепалась на грязный пол. В таком случае ему приходилось делать виноватое лицо и доставать другую птицу, но грязная тушка у него никогда не пропадала. Когда женщина отворачивалась, он возвращал птицу с пола к ее сестрам под жаркий желтый свет. Он вполне себе верил в необходимость соблюдения гигиены, но эти маленькие частные победы помогали ему выпустить пар. Большинство критиканствующих мужеподобных домохозяек, покупавших у него провизию, заслуживали нахлобучки. Его загривок покрывался краской, когда они свысока смотрели на него. В

---

¹ Имя Шагги – уменьшительное от Шаг, производного от имени Хью (Hugh). – *Здесь и далее примечания переводчика, если не указано другое.*

особенно плохие дни он напихивал в тарамасалату² самые разные виды своих телесных выделений. Он продавал это буржуазное говно в огромных количествах.

Он работал у Килфизеров уже больше года. У него и в мыслях не было задерживаться здесь так долго. Просто ему приходилось кормить себя и каждую неделю платить за жилье, а на работу его брали только в супермаркет. Мистер Килфизер был тот еще скупердяй: он предпочитал нанимать тех, кому можно не платить полное взрослое жалованье, и Шагги обнаружил, что может работать короткими сменами, подгоняя их под свое нерегулярное школьное расписание. В своих снах наяву он все время собирался выйти в люди. Ему всегда нравилось расчесывать волосы, играть с ними – единственное занятие, за которым время летело стрелой. Когда ему стукнуло шестнадцать, он пообещал себе, что поступит на парикмахерское отделение колледжа, расположенного к югу от реки Клайд. Он собрал все свои творческие идеи, скетчи, которые перерисовывал из каталога «Литтлвудс», и страницы, вырванные из журналов «Санди». Потом он отправился в Кардональд-колледж³ узнать о вечерних занятиях. Он вышел из автобуса на остановке близ колледжа вместе с полудюжиной восемнадцатилетних ребят. Одеты они были по последнему писку моды и говорили со звонкой самоуверенностью, скрывавшей их волнение. Шагги двигался в два раза медленнее их. Когда они исчезли за дверью колледжа, он перешел на другую сторону улицы и сел в обратный автобус. На следующей неделе он начал работать у Килфизеров.

Большую часть утреннего перерыва он провел, размышляя о помятых консервных банках в уцененных товарах. Он нашел три маленькие консервные банки шотландского лосося, они были почти целехонькие, только этикетки ободраны. На остатки своего жалованья он купил, как обычно, немного овощей, положил рыбные консервы в свой старый рюкзак, запер все в своем шкафчике. Он поднялся по лестнице в столовку для персонала и, проходя мимо стола, за которым сидели студенты, постарался напустить на себя беззаботный вид; этим студентам доставались легкие летние смены, а во время перерывов они с важным видом сидели, обложившись папками с учебными пособиями. Он, устремив взгляд куда-то вдаль, сел за угловой столик поблизости от девиц-кассирш.

На самом деле девицы были тремя жительницами Глазго средних лет. Эна, их предводительница, была тощая как жердь женщина с лицом покериста и сальными волосами. Брови у нее были совсем незаметные, но зато под носом красовались реденькие усики, и Шагги это казалось несправедливым. Эна была женщиной грубоватой даже для этого района города, что не мешало ей быть доброй и щедрой, какими нередко бывают люди, которым нелегко живется. Нора, младшая из этой троицы, носила прилизанные волосы, туго стянутые сзади резинкой. Глаза у нее, как и у Эны, были маленькие, взгляд пронзительный, в свои тридцать три она была матерью пятерых детей. Последней в группе была Джеки. Она не походила на двух других тем, что очень напоминала женщину. Джеки была безудержной сплетницей, крупной, пышногрудой – не женщина, а мягкий диван. Именно она больше всех и нравилась Шагги.

Он сидел рядом с ними и слушал окончание саги о последнем любовнике Джеки – добродушная болтовня этих женщин была гарантирована, как всегда. Они уже два раза брали его на вечерние розыгрыши бинго, и пока женщины выпивали и истошно хохотали, он сидел среди них, как подросток, которого нельзя оставлять одного дома. Ему нравились их неприкрытые посядения. Нравилось быть в окружении их тел и мягкости их плоти, которую он ощущал боками. Нравилось, что они носились с ним, и, хотя он и возражал, нравилось, когда они убирали челку с его глаз или облизывали большие пальцы, чтобы вытереть уголки его рта. Шагги оказывал этим женщинам нечто вроде мужского внимания, и не имело значения, что

---

² *Тарамасалата* – блюдо греческой кухни. Представляет собой смесь из копченой тресковой икры, лимонного сока, оливкового масла и чеснока.

³ *Кардональд-колледж* – институт дополнительного образования в Глазго. – *Прим. ред.*

ему всего шестнадцать лет и три месяца. Под бинго-столами в «Ла Скала»⁴ они все по очереди пытались хотя бы по разу пройти рукой по его члену. Эти касания были слишком продолжительными, слишком взыскующими, а потому сомневаться в их неслучайности не приходилось. Для безбровой Эны это занятие могло превращаться чуть ли не в крестовый поход. Чем больше она выпивала, тем более бесстыдной становилась. При каждом мимолетном прикосновении к нему своими окольцованными пальцами она прикусывала высунутый язык зубами и устремляла горячий взгляд на его щеку. Когда Шагги наконец вспыхивал от смущения, она недовольно цокала, а Джеки посылала двухфунтовые купюры по столешнице в сторону сияющей победоносной Норы. Конечно, они чувствовали разочарование, но, выпив еще, решали, что по большому счету не были отвергнуты. Что-то в этом пареньке было не так, и этому они по меньшей мере могли посочувствовать.

Шагги сидел в темноте, слушая прерывистый храп за стенами съемной комнаты. Он пытался, но никак не мог не замечать этих одиноких людей, не имеющих никакой родни. От утренней прохлады его голые бедра приобрели синеватый оттенок шотландки, а потому он для тепла завернулся в тонкое полотенце и принялся нервно жевать его уголок, наслаждаясь тем, как материя чавкает у него между зубами. Он выложил остатки своего жалованья на краешек стола и принялся раскладывать монетки сначала по их номиналу, потом по новизне и блеску.

Розоволицый человек из соседней комнаты заскрипел, просыпаясь. Он шумно чесался на своей узкой кровати, потом выдохнул молитву, чтобы найти в себе силы подняться. Его ноги с глухим стуком ударились об пол, как тяжелые пакеты с мясом, потом он прошаркал по полу комнатухи к двери, что, судя по звукам, далось ему, видимо, не без труда. Он несколько секунд возился со знакомыми замками, потом вышел в вечно темный коридор, вслепую нащупывая путь по стене, потом остановился перед дверью Шагги. Мальчик затаил дыхание, когда пальцы прошли по декоративной резьбе на его двери. И только услышав щелчок выключателя в туалете, Шагги снова пошевелился. Старик начал отхаркиваться, кашлем возвращая свои легкие к жизни. Шагги пытался не слушать, как тот мочится, одновременно сплевывая мокроту в унитаз.

У утреннего света был цвет чая, щедро разбавленного молоком. Он проник в комнату, как зловредный призрак, пересек ковер и медленно подобрался к его голым ногам. Шагги закрыл глаза и попытался почувствовать, как этот свет подползает к нему, но в прикосновении этих лучей не ощущалось тепла. Он ждал, пока не решил, что утренняя заря, вероятно, накрыла его целиком, и только тогда распахнул глаза.

Они отвечали на его взгляд: сотня пар нарисованных глаз – все, как и всегда, с разбитыми сердцами или одинокие. Фарфоровые балерины со щеночками, девочка-испанка с танцующими моряками, розовощекий мальчонка с фермы, ведущий свою ленивую ломовую лошадь. Шагги аккуратно расставил эти украшения на подоконнике эркерного окна. Он целыми часами сочинял их вымышленные истории. Толсторукий кузнец среди певчих с ангельскими лицами. Или его любимое: семь, или сколько уж их там, гигантских котят, улыбающихся и грозящих ленивому пастушку.

Все эти фигурки хотя бы немного оживляли безликую комнату. В высоту она была больше, чем в длину, а его односпальная кровать расположилась посредине, как разделительная полоса. С одной стороны стояло старомодное деревянное канапе, тощие подушки которого позволяли сидящему постоянно чувствовать спиной перекладинки. С другой стороны стояли небольшой холодильник и плита «Бейби Беллинг» с двумя конфорками. Кроме кровати с мятым бельем, все здесь было на своем месте: никакого хлама, никакой вчерашней одежды,

---

⁴ «Ла Скала» – один из первых кинотеатров в Глазго, впоследствии здание неоднократно перестраивалось, в частности, его залы использовались для бинго – игры, сходной с игрой лото.

никаких признаков жизни. Шагги попытался успокоить себя, выравнивая разномастные простыни. Он подумал о том, как бы его мать ненавидела это постельное белье, несовпадающие цвета и рисунки, наложенные друг на друга, словно ему все равно, что подумают о нем люди. Этот непорядок стал бы уколom для ее гордыни. Когда-нибудь он накопит денег и купит себе новые простыни, мягкие, теплые и все одноцветные.

Удача ему улыбнулась – он нашел это жилье в меблированных комнатах миссис Бакш. Ему повезло, что его предшественник любил выпить и это привело его в тюрьму. Большое эркерное окно высокомерно нависало над Алберт-драйв, и Шагги предположил, что когда-то эта комната была частью весьма приличной квартиры на три спальни. Ему удалось заглянуть мельком в другие комнаты в доме. Кухня, которую миссис Бакш превратила в меблирашку, сохранила свой исходный пол с линолеумом в шашечку, а в трех других маленьких комнатах все еще лежали оригинальные потертые ковры. Розовощекий человек жил в комнате, которая когда-то была, вероятно, детской и по-прежнему щеголяла обоями с желтыми цветочками и счастливой стайкой смеющихся кроликов по карнизу. Кровать мужчины, его канапе и плита стояли в ряд вдоль одной стены вплотную друг к другу. Шагги видел эту комнату один раз в просвете наполовину открытой двери и порадовался своему эркерному окну.

Ему повезло, что он нашел пакистанцев. Другие домовладельцы не хотели сдавать комнату мальчишке пятнадцати лет, который делал вид, что ему не далее как вчера стукнуло шестнадцать. Другие не говорили ему об этом напрямик, но они задавали слишком много вопросов. Они подозрительно разглядывали его лучшую школьную одежду и отполированные ботинки. «Что-то тут не так», – говорили их глаза. По их искривленным губам он видел: они считали, что позорно для мальчика его лет не иметь ни матери, ни другой родни.

Миссис Бакш было все равно. Она посмотрела на его школьный рюкзак, на деньги за аренду на месяц вперед и вернулась к заботам о собственных детях. Он специально для нее синей шариковой ручкой расписал тот первый конверт с деньгами. Шагги хотел показать ей, что ему важно быть добропорядочным, что он достаточно надежный, чтобы приложить эти дополнительные усилия. Он вырвал листик из своей тетради по географии и нарисовал на нем вихрящуюся «огуречную» композицию, оплел завитушками ее имя, раскрасил пространство между линий, отчего павлиньи перья рисунка расцвели во всей своей кобальтовой красе.

Домохозяйка жила в доме напротив с такой же квартирой, богато меблированной и теплой благодаря центральному отоплению. В другой квартире, холодной, у нее в пяти комнатах обитали пять мужчин, платившие по восемнадцать фунтов и пятьдесят пенсов в неделю, неделя за неделей, только наличностью. Двоим из них, не получавшим социального пособия, приходилось сразу по получении жалованья вечером в пятницу подсовывать часть его под дверь миссис Бакш, после чего они отправлялись пропивать остальное. Они медлили, проводили на коленях дополнительные несколько секунд на ее дверном коврике, чтобы подышать атмосферой благополучия, исходящей изнутри: кипящие кастрюли с ароматным куриным мясом, веселая возня детей, сражающихся за телевизионные каналы, и смех толстой женщины, произносящей иностранные слова около кухонных столов.

Домохозяйка никогда не беспокоила Шагги. Она никогда не заходила в его комнату, если он не запаздывал с платежом. В случае же опоздания она приходила с другими толсторукими пакистанками и громко стучала в двери постояльцев. В остальном же она появлялась, чтобы пропылесосить коридор, не имеющий окон, или вымыть туалет. Раз в месяц она рассыпала хлорку вокруг унитаза и время от времени клала у его основания новый отрезок от остатка ковра, чтобы впитывал мочу.

Шагги приложил ухо к двери, прислушался – не закончил ли розовощекий помывку. В тишине он услышал, как тот отпер защелку и вышел в коридор. И тогда мальчик сунул ноги в свои старые школьные туфли. Прямо на нижнее белье надел парку – шумную нейлоновую

куртку с меховым воротником, застегнул ее до самого верха, сунул в большие армейские карманы полиэтиленовый пакет Килфизеров и два тоненьких кухонных полотенца.

Его школьный джемпер был приткнут к двери, чтобы закрыть зазор между нею и полом. Когда он поднял его, в комнату с холодным сквозняком хлынули запахи других постояльцев. Один из них снова курил ночь напролет, другой ел на ужин рыбу. Шагги открыл дверь и выскользнул в коридор.

Миссис Бакш выкрутила единственную лампочку из потолочного плафона, сказав, что постояльцы расходуют слишком много денег, оставляя ее гореть круглые сутки. Теперь мужской запах навсегда обосновался в коридоре, словно след призраков, и ни ветерок, ни свет не рассеивали его. Годы курения в кровати, поедание жареной еды на ужин перед газовыми обогревателями, летние дни, проведенные за закрытыми окнами. Застоялые запахи пота и малафьи, смешанные со статическим теплом черно-белых телевизоров и едким запахом янтарных лосьонов после бритья.

Шагги понемногу начал различать постояльцев. В темноте он мог отследить розовощекого, когда тот поднимался побриться и намазать волосы помадой «Брилкрем», он различал затхлый запах пальто желтозубого, который ел только то, что пахло попкорном с маслом или рыбой в сливочном соусе. Ближе к ночи, когда начинали закрываться пабы, Шагги мог определить, когда каждый из них благополучно вернулся домой.

В общий туалет вела дверь с матовым стеклом. Он отпер защелку и несколько секунд постоял, нажимая на ручку, удостоверившись, что язычок вышел из паза. Он расстегнул парку, положил ее в угол, крутанул кран горячей воды, чтобы проверить температуру – из крана пролились остатки едва теплой, потом кран чихнул два раза, и из него полилась вода холоднее реки Клайд. Ледяной шок заставил его сунуть пальцы в рот. Он взял монетку в пятьдесят пенсов, скорбно покрутил, вставил в нагреватель, увидел, как вспыхнула газовая горелка.

После этого он снова открыл кран – потекла ледяная вода, а потом с хрипом вырвалась струя теплой. Он намочил влажное кухонное полотенце, провел им по своей холодной груди и белой шее, радуясь парящему теплу. Потом сунул под желанную теплую струю лицо и волосы, подержал их там, помечтал о том, как хорошо было бы лечь с головой в горячую воду наполненную до краев ванны, избавиться от запахов других постояльцев. Он давно не чувствовал себя оттаявшим до конца так, чтобы ощущать тепло во всем теле.

Подняв руку, он провел полотенцем от запястья до самого плеча, потом напряг мышцы на руке и обхватил пальцами бицепс. Если бы он очень захотел, то мог бы обхватить руку пальцами целиком, а если бы надавил посильнее, то мог бы почувствовать очертания кости. Его подмышка была припудрена мелким порошком и походила на кожу только что вылупившегося утенка. Он сунул в подмышку нос – запах был сладковатый и чистый, никакой. Он ущипнул кожу, сжал пальцы посильнее, принялся доить мягкую плоть, пока она не покраснела от досады. Понюхал пальцы теперь – опять ничего. После этого он принялся скрести себя сильнее, повторяя вполголоса заученное: «Результаты Шотландской футбольной лиги. „Джерсы“⁵ выиграли 22 матча, 14 свели вничью, проиграли 8, набрали в сумме 58 очков. „Абердин“ выиграл 17, ничьих 21, проигрышей 6, всего – 55 очков, „Мазервел“: 14 выигрышей, 12 ничьих, 10 проигрышей».

В зеркале его влажные волосы были черны, как уголь. Он начесал их на лицо, удивился, что они доходят ему до подбородка, потом посмотрел в зеркало: ему так хотелось увидеть что-нибудь мужественное, чтобы восхититься собой – черные кудри, молочная кожа, высокие скулы. Он поймал отражение собственных глаз. Что-то в них было не так. Настоящие мальчишки сложены иначе. Он снова принялся скрести себя. «„Джерсы“ выиграли 22 матча, 14 свели вничью, проиграли 8, набрали в сумме 58 очков. „Абердин“ выиграл 17, ничьих...»

---

⁵ Болельщическое название шотландского футбольного клуба «Рейнджерс».

Теперь в коридоре раздались шаги, знакомый скрип тяжелых кожаных ботинок, потом тишина. Тоненькая дверь задержалась, удерживаемая крючком. Шагги схватил свою армейскую парку, надел на влажное тело.

Когда он только поселился в комнате у миссис Бакш, лишь один из постояльцев обратил на него внимание. Розовощекий и желтозубый были слишком слепы или слишком разрушены пьянством, чтобы их что-то волновало. Но в первую ночь, когда Шагги, сидя на кровати, ел горбушку белого хлеба с маслом, к нему постучали. Мальчик долгое время не отвечал, потом все же решил открыть дверь. В коридоре стоял высокий человек плотного сложения, от него пахло сосновым мылом. В руке он держал полиэтиленовый пакет с двенадцатью банками лагера, которые ударялись друг о друга, как приглушенные церковные колокола. Человек, крепко пожав мальчику руку, представился: Джозеф Дарлинг, и с улыбкой протянул пакет. Шагги попытался вежливо, как его учили, сказать «Нет, спасибо», но что-то в этом человеке напугало его, а потому он впустил мужчину в комнату.

Они молча сидели друг подле друга, Шагги и его гость, на краю аккуратной односпальной кровати, смотрели на улицу с ее многоквартирными домами. Протестантские семьи обедали перед телевизорами, а уборщица, жившая напротив, ела в одиночестве за своим откидным столиком. Они пили пиво в тишине, смотрели, как другие люди занимаются своими рутинными делами. Мистер Дарлинг не снял свое плотное твидовое пальто. Матрас под ним слегка просел, и Шагги непроизвольно сместился к широкому боку незванного гостя. Краем глаза Шагги наблюдал за желтыми кончиками пальцев, которые нервно постукивали о матрас. Шагги из вежливости сделал лишь один глоток лагера, а когда человек заговорил с ним, думал только о вкусе баночного эля, о том, какой он кислый и отвратительный. Этот вкус напомнил ему о вещах, которые он предпочел бы забыть.

У мистера Дарлинга были манеры человека взвешенного, полузамкнутого. Шагги изо всех сил старался быть вежливым, слушал, как мужчина рассказывает ему о своей работе привратником в протестантской школе, о том, что их закрыли и слили с католической школой, чтобы сэкономить деньги муниципалитета. Когда мистер Дарлинг рассказывал это, создавалось впечатление, будто его сильнее поразил тот факт, что детишки протестантов должны будут мирно сидеть рядом с католическими детишками, а не то, что он в результате лишился работы.

– Я в это просто поверить не мог! – сказал он главным образом себе самому. – В мои времена религия человека говорила кое-что о нем самом. Ты учился в школе, и тебе приходилось прокладывать себе дорогу в жизни сквозь толпы этих католических ублюдков, пожирателей капусты. Было чем гордиться! А теперь любая хорошенькая девчонка ложится в постель с первым встречным грязным католическим хреном с такой же легкостью, с какой она легла бы с собакой.

Шагги сделал вид, что отхлебнул немного пива, но в основном он не пустил его дальше зубов и выплюнул обратно в банку. Глаза мистера Дарлинга искали какой-нибудь знак на стенах. Потом он украдкой косился глаза на мальчика и спросил, проникшись вдруг подозрительностью к своему слушателю.

– А ты, кстати, в какую школу ходил?

Шагги понял подоплеку вопроса.

– Да я ни то и ни другое, и я все еще учусь в школе.

Это было правдой, он не принадлежал ни к католикам, ни к протестантам и все еще ходил в школу, когда мог себе позволить не работать в супермаркете.

– Да ладно? И какой же твой любимый предмет?

Мальчик пожал плечами. Дело было не в его скромности, просто обычно его ничего особо не интересовало. Его посещения занятий в лучшем случае можно было бы назвать нерегулярными, а потому его предпочтения не поддавались определению. Обычно он приходил и сидел

молча где-нибудь сзади, чтобы учебный совет не обвинил его в прогулах. Если бы в школе узнали, как он живет, они бы предприняли что-нибудь, чтобы исправить ситуацию.

Мистер Дарлинг допил вторую банку и тут же перешел к третьей. Шагги почувствовал обжигающее прикосновение пальца к своему бедру. Дарлинг положил руку на матрас, и его мизинец, на котором красовался золотой перстень с изображением соверена, слегка касался ноги Шагги. Палец не шевелился, не дергался. Он просто покоился там, отчего ожог становился все ощутимее.

А теперь Шагги стоял в этом влажном туалете в застегнутой парке. Мистер Дарлинг прикоснулся к краешку своей твидовой кепки в старомодном приветствии.

– Я просто заскочил узнать, ты сегодня будешь?

– Сегодня? Не знаю. У меня дела.

На лице мистера Дарлинга появилась тучка разочарования.

– Отвратительный день для всяких дел.

– Я знаю, но говорю же, мне нужно встретиться с другом.

Мистер Дарлинг втянул воздух сквозь свои большие белые зубы. Он был такой высокий, что все еще не выпрямился в полный рост. Шагги представил себе поколения протестантских мальчиков, выстроенных в ряд и напуганных его длинной тенью. Теперь он увидел, что лицо мистера Дарлинга побагровело, а алкогольная потливость дала о себе знать, проступив каплями на лбу. Мистер Дарлинг перед этим стоял, согнувшись в три погибели перед замочной скважиной, – Шагги теперь в этом ни секунды не сомневался.

– Жаль. А я как раз собираюсь за пособием, а с почты – в «Оружие пивовара», потом в букмекерскую, сделать ставочки, а потом, я надеялся, мы сможем пропустить по паре баночек. Может, еще посмотреть футбольные результаты по телику. Я мог бы тебе рассказать про английские лиги. – Дарлинг смотрел сверху вниз на мальчика, языком прошупывая задние коренные зубы.

Если Шагги удавалось найти верный подход, то из этого человека всегда можно было выудить несколько фунтов. Вот только ожидание, когда мистер Дарлинг обналичит пособие по безработице, могло затянуться – никто не знает, сколько времени ему потребуется, чтобы добрести из почтового отделения в букмекерскую, в винный магазин, а потом домой. К тому же еще не факт, что он будет в состоянии найти дом. Так долго ждать Шагги не мог.

Мальчик отпустил полы парки, и мистер Дарлинг сделал вид, что не впился глазами в пространство между чуть разошедшимися краями куртки. Но он, казалось, никак не может наглядеться, и Шагги увидел, как в его зеленых глазах появился серый свет. Шагги чуть ли не почувствовал, как обожгло его бледную грудь, когда по ней прошелся взгляд Дарлинга, опустил вниз до трусов, потом перешел на его голые ноги – ничем не примечательные белые безволосые фиговины, которые висели под полами его черной куртки, как необрезанные нитки.

И только тогда мистер Дарлинг улыбнулся.

1981 Сайтхилл

Два

Агнес Бейн вдавила пальцы ног в ковер и высунулась насколько смогла в ночь. Влажный ветер целовал ее покрасневшие щеки, проникал под платье, словно чья-то чужая рука, – знак того, что она живет, напоминание о жизни. Она щелчком отправила в воздух окурок, проводила взглядом красноватую точку, протанцевавшую до земли шестнадцать этажей. Ей хотелось показать городу свое бордовое бархатное платье. Ей хотелось почувствовать зависть в глазах посторонних людей, танцевать с мужчинами, которые гордо прижимали бы ее к груди. Но больше всего ей хотелось хорошенько выпить, чтобы пожить немного.

Она встала на цыпочки, легла бедрами на подоконник, оторвала ноги от пола. Ее тело наклонилось к янтарным огням города, кровь прихлынула к щекам. Она протянула руки к огням и на миг ощутила полет.

Никто не заметил летящей женщины.

Она подумала, не высунуться ли ей еще дальше, подначивала себя сделать это. Как легко было бы отдаться самообману – представить, что она летит, но полет быстро превратился бы в падение, и она разбилась бы о бетон внизу. Квартира в высотном доме, которую она делила с родителями, сидела у нее в печенках. Все в комнате за ее спиной казалось таким же маленьким, таким же низкопотолочным и удушающим, как и вся жизнь, купленная в кредит, когда ты не чувствуешь, что тебе хоть что-то принадлежит, жизнь, в которой на неделе и есть всего-то два светлых дня: получение жалованья в пятницу и мессы в воскресенье.

В тридцать девять лет она с мужем и тремя детьми, двое из которых были почти взрослые, жила в тесноте родительской квартиры, а потому не могла не чувствовать, что жизнь не удалась. Ее муж, который если и разделял с ней постель теперь, то пристраивался на самом краешке кровати, выводил ее из себя своими пустыми обещаниями безоблачного будущего. Агнес хотела перешагнуть через все это или содрать, как испорченные обои. Засунуть ноготь под краешек и оторвать.

Агнес, устало сутулясь, вернулась в душную комнату, снова почувствовала под ногами безопасность материнского ковра. Другие женщины не подняли глаз, когда она появилась. Она раздраженно проскребла иглой проигрывателя по пластинке, поставила ее в бороздку и включила громкость чуть не на максимум.

– Ну же, пожалуйста, станцуете хоть разик.

– Цыц, рано еще, – гаркнула Нэн Фланнигэн. Она пребывала в возбужденном состоянии и составляла серебряные и медные монетки в аккуратные стопки. – Сейчас вы все у меня пойдете на улицу деньги зарабатывать.

Рини Суини закатила глаза и прижала карты к груди.

– Какие у тебя грязные мысли.

– Только не говори, что я тебя не предупреждала. – Нэн откусила немного жареной рыбы, слизнула жир с губ. – Когда я выиграю все твои хозяйственные денежки, тебе придется идти домой и оттрахать тот мешок костей, который ты называешь своим мужем, чтобы дал тебе еще.

– Ни за что! – Рини лениво изобразила крестное знамение. – Я сидела на этих деньгах с Великого поста, и у меня нет ни малейшего желания подпускать к ним мужика раньше следующего Рождества. – Она сунула в рот толстенную золотую чипсу. – Я как-то раз так долго копила, что купила новый цветной телевизор в спальню.

Женщины расхохотались, но при этом их внимание все время было приковано к картам. В гостиной было влажно и тесно. Агнес посматривала на свою матушку, маленькую Лиззи, которая сидела между Нэн Фланнигэн и Рини Суини и внимательно изучала карты у нее на руках. Женщины сидели бедро к бедру, клевали остатки рыбного ужина. Они передвигали монетки и брали карты жирными пальцами. Энн Мари Истон, младшая из них, была занята делом – скручивала зверские на вид сигареты, беря табак из россыпи на своей юбке. Женщины высыпали свои хозяйственные деньги на низкий чайный столик и, постоянно делая пяти- и десятипенсовые ставки, передвигали монетки туда-сюда.

Агнес это наскутило. Было время до мешковатых кардиганов и тощих мужей, когда она всех их водила на танцплощадку. Девчонками они держались вместе, как жемчужинки на нитке, и горланили песни всю дорогу до Сокихолл-стрит. Они были еще несовершеннолетними, но Агнес с ее самоуверенностью, несмотря на свои пятнадцать лет, знала, что проведет их. Охранники всегда примечали сияние ее красоты в конце очереди и звали вперед, а она протаскивала с собой остальных девчонок, словно они были преступницами, скованными одной цепью. Они хватались за пояс ее пальто и протестующе бормотали что-то, но Агнес только улыбалась своей лучшей улыбкой охранникам – той улыбкой, которая предназначалась мужчинам и которую она скрывала от матери. В те времена она любила демонстрировать свою улыбку. Зубы она унаследовала по отцовской линии, а зубы у Кэмпбеллов всегда были слабым местом, причиной безулыбчивости в остальном красивых лиц. Ее собственные взрослые зубы отличались малыми размерами и кривизной, и даже когда они были новыми, белизной они ее не радовали, потому что она курила и пила крепкий чай, заваренный матерью. В пятнадцать лет она упростила Лиззи разрешить ей удалить все зубы. Неудобства, которые влекли за собой зубы искусственные, полностью компенсировались улыбкой кинозвезды – той улыбкой, которой она надеялась обзавестись с новыми зубами. Каждый зуб был широким, ровным и прямым, как у Элизабет Тейлор.

Агнес втянула воздух сквозь свою фарфоровую челюсть. И вот теперь все те же женщины приходили сюда вечером каждую пятницу и играли в карты в гостиной ее матушки. На их лицах не было никакой косметики. Ни у одной из них больше не хватало духу петь.

Она посмотрела, как женщины сражаются за несколько фунтов мелочью, и испустила усталый вздох. Пятничная картежная школа – то единственное, чего они всю неделю с нетерпением ждали. Этот день считался их отдохновением от глажки белья перед теликом и от разогрева консервных банок с бобами для неблагодарных деток. Большая Нэн обычно возвращалась домой с выигрышем, обставив маленькую Лиззи, исключая те случаи, когда выигрышная полоса наступала у малютки, за что та получала по полной программе. Большая Нэн не могла сдержаться. Она нервничала, когда речь заходила о деньгах, и не любила их терять. Агнес видела один раз, как ее мать получила синяк под глазом из-за десяти шиллингов.

– Эй, подруга! – крикнула Нэн, посмотрев на Агнес, погруженную в созерцание собственного отражения в оконном стекле. – Подглядываешь!

Агнес закатила глаза и неторопливо набрала полный рот безвкусного стаута. Пиво было слишком медленным автобусом, который долго добирался до пункта назначения. Хотя она наполняла свой желудок пивом, ее душа жаждала водки.

– Оставь ее, – сказала Лиззи. Она знала этот отстраненный взгляд.

Нэн снова уставилась в карты.

– Должна была знать, что вы, две сучки, в сговоре. Парочка вороватых ублюдков, вот кто вы!

– Я за всю жизнь ничего не украла! – сказала Лиззи.

– Врунья! Видала я тя в конце смены. Комковатая, как каша, тяжелая, как овес. Набивала свою рабочую одежду рулонами больничной туалетной бумаги и бутылками жидкого мыла для посуды.

– Ты знаешь, сколько стоит эта мелочовка? – с негодованием в голосе спросила Лиззи.
– А то не знаю, – фыркнула Нэн. – Потому что за свою-то мелочовку я платила.

Агнес дефилировала по комнате, не находя себе места. Она чуть не перевернула карточный столик, принесся кипу полиэтиленовых пакетов.

– Я купила вам махонькие подарочки, – сказала она.

Нэн обычно не допустила бы никаких посторонних вмешательств в ход игры, но подарок был бесплатный, а такую возможность она не могла упустить, а потому, освобождая руки, засунула свои карты в безопасное место – ложбинку между грудей. Наконец все пакеты были розданы, и каждая женщина вытащила из своего маленькую коробочку. Некоторое время они сидели молча, созерцая картинку на коробочке. Лиззи, несколько оскорбленная, заговорила первой.

– Бюстгальтер? На кой он мне нужен?

– Это не просто какой-то бюстгальтер. Это один из бюстгальтеров от «Кросс Ёр Харт»⁶. Он чудеса творит с вашими формами.

– Примерь, Лиззи! – сказала Рини. – Старина Вулли прилипнет к тебе, как к Глазговской двухнедельной ярмарке!

Энн Мари вытащила свой бюстгальтер из коробочки – он явно был маловат для нее.

– Этот бюстгальтер не моего размера!

– Я старалась угадать. У меня есть еще парочка на всякий случай – так что посмотри все.

Агнес уже расстегивала молнию на платье. Алебастр ее плеч потрясал в сравнении с бордовым бархатом. Она расстегнула бюстгальтер, который был на ней, и ее фарфоровые груди вывалились наружу. Она быстро затолкала их в новый бюстгальтер, и теперь они поднялись на несколько сантиметров. Агнес поклонилась и покружилась перед женщинами.

– Какой-то парень продавал их прямо из грузовичка у Падди-маркет⁷. Пять штук за двадцатку. Ну просто чудо, ага?

Энн Мари, просмотрев подарки, нашла свой размер. Она была скромнее Агнес, а потому повернулась спиной к публике, стащила с себя кардиган, сняла старый бюстгальтер. Под тяжестью ее сисек бретельки оставили на плечах красные шрамы. Вскоре все женщины, кроме Лиззи, порасстегивали на себе платья или приспустили рабочие комбинезоны и сидели в обновках. Лиззи восседала, сложив руки на груди. Другие, почти голые по пояс, проводили пальцами по атласным бретелькам, смотрели на свои сиськи и довольно ворковали.

– В жизни ниче удобнее не носила, – призналась Нэн. Бюстгальтер у нее на спине сидел слишком свободно, но как мог удерживал ее неподъемные груди, не давая им упасть на выпирающий живот.

– Ну вот – такие буфера я помню по тем временам, когда мы были девчонками, – одобритительно сказала Агнес.

– Боже-боже, если бы только мы тогда знали то, что знаем теперь, а? – сказала Рини. – Я бы тогда любому ублюдку прям на месте дала поиграться с ними, захоти он.

Нэн сладострастно облизнулась.

– Брехня собачья! Ты и без того дупло свое не закрывала – входи кто хочешь. – Она уже горела желанием вернуться к делу и снова двигала по столу монетки. – Ну так мы уже прекратим пялиться на себя, как стайка глупых малолеток?

Она собрала карты и стала тасовать колоду. Женщины так и не прикрыли свои телеса.

---

⁶ «Кросс Ёр Харт» (*Cross Your Heart*) – название фирмы, специализирующейся на нижнем белье, в переводе «Положа руку на сердце» (*англ.*).

⁷ Знаковый уличный рынок Падди-маркет, организованный ирландскими иммигрантами в начале XIX в. – *Прим. ред.*

Лиззи пыталась сорвать целлофан с новой пачки сигарет. Другие женщины сидели с воинственным видом, их подташнивало от курения горлодеров-самокруток, они снимали крошки табака с кончиков языков. Лиззи фыркнула.

– Я думала, мы курим каждая свое?

Все равно что есть свиную рульку перед стаей бродячих собак – они бы не дали ей покоя. Она неохотно пустила по кругу открытую пачку, и все закурили, наслаждаясь роскошью фабричных сигарет. Нэн в новом бюстгальтере откинулась на спинку стула, затянулась от души и закрыла глаза. В комнате снова стало жарко и кисло, дым сигарет кружился и плясал, полз вверх по обоям с огуречным рисунком.

Время от времени в комнату через окно на шестнадцатом этаже проникал ветерок, и подружки жмурились от его свежести. Лиззи попивала свой холодный черный чай, глядя на женщин, а те все, как одна, возвращались в сумрачное настроение. Свежий воздух всегда так действовал на пьяных. Легкая сплетнетворная энергия покидала комнату, ее вытесняло нечто более вязкое и густое.

Вдруг раздался новый голос:

– Ма, он не хочет спать!

В дверях гостиной стояла Кэтрин с выражением отчаяния на лице. Маленький братишка сидел у нее на бедре. Он становился слишком большим – долго в таком положении не удержать, – но Шагги прилип к ней и явно выражал этим любовь к костлявому удобству сестры.

Кэтрин с кислым, ищущим сочувствия лицом ущипнула его запястье, оторвала от себя.

– Пожалуйста, я больше с ним не могу.

Малыш побежал к матери, и Агнес взяла Шагги на руки. Она закружилась с ним под звуки статических разрядов от его нейлоновой пижамки, радуясь тому, что наконец-то ей есть с кем потанцевать.

Кэтрин словно и не заметила, что женщины сидели за столом полуобнаженные. Она порыскала взглядом по останкам рыбного ужина. Предпочитала она самые маленькие коричневые ломтики, изогнутые шкурки, пережаренные в горячем жире до хруста.

Лиззи провела рукой по бедру Кэтрин. Все во внучке казалось ей каким-то неполноценным, неженственным. Кэтрин в семнадцать лет была долговязой, похожей на мальчишку, с прямыми, как проволока, волосами до пояса и с полным отсутствием каких-либо намеков на плавные линии в фигуре. Юбки в обтяжку казались ей сплошным разочарованием. У Лиззи была рассеянная привычка поглаживать бедро внучки, словно это могло вдруг вызвать к жизни некую скрытую в ней женственность. Кэтрин привычным движением оттолкнула хлопотливую руку Лиззи.

– Ну-ка! – сказала Лиззи. – Расскажи-ка им о потрясающей работе, на которую ты устроилась в городе. – Она не сделала паузы, чтобы дать возможность говорить внучке, а сама обратилась к женщинам. – Я ужасно горжусь. *Помощница* директора. Все равно что сама стала боссом, так?

– Бабушка!

Лиззи показала на Агнес.

– Так-то вот! Она думала, что смазливая мордашка поможет ей. Слава случке, хоть у кого-то есть мозги. – Лиззи быстро перекрестилась. – Я с радостью на исповеди попрошу прощения за хвастовство.

– И ругань, – сказала Кэтрин.

Нэн Фланнигэн не отрывала глаз от карт.

– Теперь, когда ты пошла работать, детка, первым делом нужно открыть два счета в банке. Один – тратить на мужика, когда он у тебя появится. Другой – для себя. Только никогда не говори об этом своему трахарю.

Все женщины оценили мудрость Нэн согласным поддакиванием.

– Значит, птичка, с учебой покончено? – спросила Рини.

Кэтрин украдкой посмотрела на мать.

– Да. Хватит – находилась в школу. Нам деньги нужны.

– Ай-ай, мир теперича в таком состоянии, что тебе придется кормить любого мужика, какого найдешь.

У всех женщин дома были мужчины. Без хорошей работы они прирастали к диванам.

Нэн снова стала терять терпение. Она сцепила свои потрескавшиеся руки.

– Слышь, Кэтрин. Я тебя люблю, птичка. – Голос ее звучал неискренне. – Когда станешь нашим первым шотландским юным космонавтом, я, можешь не сомневаться, соберу тебе сэндвичей в дорогу. А пока... – Она показала на карты, потом на дверь. – Иди отсюда в жопу.

Кэтрин подошла к матери и неохотно сняла Шагги с ее бедра. Братишка был очарован пластиковым ползунком на бретельке материнского бюстгальтера.

– Наш Александр дома? – спросила Агнес.

– Гм-м. Думаю, дома.

– Что ты имеешь в виду – «думаю»? Он в спальне или нет?

Спальня была слишком мала, чтобы не заметить в ней длинноногого пятнадцатилетнего парня. Туда едва вмещалась двухъярусная кровать для Кэтрин и Лика и одинарная для Шагги. Но Лик был молчаливой душой, он предпочитал созерцать жизнь из укромных уголков и мог исчезнуть, пока с ним кто-то говорит.

– Ма, ты же знаешь Лика. *Может*, он и дома.

Не сказав больше ничего, Кэтрин развернулась на месте так, что ее каштановые волосы раскрылись веером, и понесла Шагги из комнаты, утопив ногти в мякоти его бедра.

Новые сдачи, новые ставки, новые проигрыши денег, предназначенных на ведение хозяйства; Агнес следила, чья сдача следующая, хотя никого это, казалось, не волновало. Монетки вполне предсказуемо начали скапливаться перед Нэн, а стопки у других игроков уменьшались. Агнес со стаканом в руке принялась в одиночестве кружиться на ковре.

– Ах, ах, ах. Это моя песня, дамы. Вставайте, вставайте!

Ее мелькающие пальцы умоляли их подняться на ноги.

Женщины стали подниматься одна за другой, те, кому не везло в игре, были счастливы отойти подальше от бросающейся в глаза стопки серебра рядом с местом Нэн. Они радостно танцевали в своих новых бюстгальтерах и старых кардиганах. Пол прогибался под их весом. Нэн крутилась вокруг визжащей Энн Мари, пока они обе не стукнулись о край низенького чайного столика. Женщины танцевали, отрешаясь от всех забот и прихлебывая лагер из старых чайных кружек. Все их движения сосредоточились в плечах и бедрах, ритмичные и похотливые, как у молоденьких девиц, которых они видели по телевизору. Можно было не сомневаться, что несчастные тощие супруги, которых жены держали дома, позже вечером будут задушены в их объятиях. Женщины, пахнувшие уксусом и пивом, придут домой и взгромоздятся на своих мужей. Они будут хихикать и потеть в своих новых бюстгальтерах, но в то же время чувствовать себя, пусть и ненадолго, снова пятнадцатилетними. Они снимут с себя дырявые колготки, обнажат трясущиеся сиськи. И будут раскрытые пьяные рты, горячие красные языки и тяжелая нескладная плоть. Невинная радость пятничного вечера.

Лиззи не танцевала. Она объявила, что бросила пить. Она с Вулли пыталась подать хороший пример семье. Она стала плохой католичкой, устраивая разносы Агнес и при этом позволяя себе махонькую баночку или две. Потому она отказалась от сладкого стаута⁸ и виски. Почти. Агнес посмотрела на мать, сидевшую с кружкой холодного чая, и ни минуты ей не

---

⁸ В Великобритании после Первой мировой войны стали популярны сладкие слабоалкогольные стауты, в частности, в Глазго популярен сладкий стаут *Sweetheart*.

верила. Хотя Лиззи и сидела с прямой спиной, глаза у нее были по-прежнему водянистые и влажные, а розовеющее лицо затуманено отсутствующим выражением.

Агнес знала, что у Вулли и Лиззи есть привычка выскальзывать из комнаты, когда им казалось, что никто на них не смотрит. Они нередко вставали из-за стола по воскресеньям или слишком часто ходили в туалет. На самом же деле они, закрыв дверь, садились на край своей большой двуспальной кровати и вытаскивали из-под нее полиэтиленовый пакет. Они наливали алкоголь в свои старые кружки, быстро и тихо выпивали его в темноте, как подростки. Они возвращались за кухонный стол, откашливались, смотрели глазами, которые стали более счастливыми и остекленевшими, и все делали вид, что не чувствуют запаха виски. Достаточно ей было посмотреть, как отец пытается есть воскресный суп, чтобы сказать, выпивал он или нет.

Пластинка дошипела до конца первой стороны. Лиззи, принеся извинения, удалилась в туалет. Большая Нэн, думая, что никто не видит, воспользовалась возможностью и заглянула в карты Лиззи. Ее глаз уловил поблескивание неоткрытых банок стаута за старым креслом Вулли.

– Джекпот! – прокричала она. – Этот старпер спрятал бухло у себя за креслом!

Она села, потная и запыхавшаяся, сделала глоток. Нэн пришла сюда с деловыми целями, а потому была чуть трезвее, чем все остальные. Весь вечер она внимательно пересчитывала монетки на карточном столике, думала о кусочке окорока, который сможет купить к воскресному супу, и о деньгах, которые понадобятся малышам на следующей учебной неделе. Теперь карточная деловая часть закончилась, и Нэн вождедела припрятанного стаута.

– Лиззи Кэмпбелл. Старая лгунья. Ничуть она не завязала, – сказала Рини.

– Она так же завязала с выпивкой, как я с пирогами, – сказала Нэн, плотно застегивая свой кардиган поверх нового бюстгальтера. Она прокричала в сторону темного коридора так, чтобы ее услышала Лиззи: – Не знаю вообще, почему я якшаюсь с вами – вороватыми католическими ублюдками!

Нэн достала стаут, наполнила кружки и стаканы на столе. Чем они пьянее, тем легче будет ей их облапошить. Деловой интерес снова взял над ней верх.

– Так мы уже закругляемся с картишками и достаем каталог? Устала я смотреть на ваши старые бабские пляски, словно вы «Пэнз Пипл»⁹. – Из черной кожаной сумки, стоявшей у ее ног, она достала потрепанный каталог с надписью «Фриманс»¹⁰ и фотографией женщины в кружевном платье и соломенной шляпке на обложке. Женщина шла по прекрасному золотистому полю где-то далеко отсюда. Впечатление создавалось такое, будто ее волосы пахнут зелеными яблоками.

Нэн открыла каталог, положив его на игральные карты, пролиставала две-три страницы. Шелест глянцевого страниц был подобен песне сирены. Женщины перестали трястись под музыку и собрались вокруг открытого каталога, принялись тыкать жирными пальцами в фотографии кожаных сандалий и синтетических ночных рубашек. Потом они открыли каталог на развороте, где были изображены женщины, едущие на мотоциклах в чудесных трикотажных платьях, и принялись ворковать. Теперь Нэн еще раз залезла в свою сумку и вытащила пачку блокнотиков размером с Библию. Все застонали. Они считались подружками, да, но в этом состояла ее работа, и ей нужно было кормить детей.

– Ох, Нэн, я ничего не получала на этой неделе, – сказала Энн Мари, чуть ли не отшатываясь от каталога.

Нэн улыбнулась и сквозь сжатые зубы постаралась ответить со всей вежливостью, на какую была способна:

– Не пизди – все, что тебе причиталось, ты получила, и если бы я ухватила тебя за жирные лодыжки и вывесила из окна, ты бы все мне прекрасно заплатила.

---

⁹ «Пэнз Пипл» (*Pans People*) – популярная женская танцевальная группа в 1968–1974 гг.

¹⁰ Британский каталог модной одежды.

Агнес улыбнулась про себя: она знала, что Энн Мари лучше было бы закрыть рот и отойти в сторонку. Но молодая женщина продолжала гнуть свою линию.

– Дело в том, что этот купальник мне вообще не подходит.

– Ты жопа! Он тебе подойдет, когда ты его купишь. – Нэн стала перебирать серые блокноты. Вытащила один, на котором черной ручкой было написано «Энн Мари Истон».

– Просто мой бойфренд сказал, что больше не сможет возить меня в отпуск.

Энн Мари широко раскрытыми глазами смотрела по очереди на женщин в поисках хоть малой толики сочувствия. Но женщин ее проблемы ничуть не заботили. Последний отдых, который был у большинства из них, проходил в родильной палате Стобхилла¹¹.

– Полная. Хуйня. Выбирай. Мужчин. Получше. Выбирай. Получше. Одежду. – Нэн оказывала давление, как делала это тысячу раз прежде, она и теперь собрала деньги со всех женщин и сделала записи в их блокнотах. Чтобы выплатить кредит за детские школьные брюки или набор банных полотенец, уйдет целая вечность. Пять фунтов в месяц – не один год придется платить с учетом того, что сумма долга увеличивается за счет процентов. Они словно сдавали в аренду свои жизни. Каталог открылся на новой странице, и женщины стали препираться – кому чего надо.

Агнес первая почувствовала изменение давления в комнате и подняла голову. В дверях стоял Шаг, держа в руке тяжелую, туго набитую поясную сумку. По комнате прогуливался влажный ветер, сообщивший Агнес, что Шаг не закрыл входную дверь, а значит, он не остается. Агнес замерла, а потом двинулась к мужу, верх ее платья все еще был спущен до пояса. Она с опозданием разгладила юбку, потом сцепила руки и попыталась улыбнуться самой трезвой своей улыбкой. Но муж не улыбнулся в ответ. Шаг просто смотрел мимо нее с отвращением, потом вдруг сказал:

– Так кого подвезти?

Незваное явление мужчины было сродни школьному звонку. Женщины начали собирать вещички. Нэн сунула себе в сумочку две припрятанные Лиззи банки стаута.

– Ну, что, дамы, следующий вторник у меня дома, – пролаяла Нэн и добавила для Шага: – А любой мужик, который попытается испортить мой каталожный вечер, огребет по полной.

– Вы, как всегда, неподражаемы, миссис Фланнигэн, – сказал Шаг, ключом от машины выковыривая грязь из-под ногтя большого пальца. Трахаться с ней он бы ни за что не стал. У него тоже были свои стандарты.

– Хорошо сказанул, – ответила Нэн с язвительной улыбкой. – Почему бы тебе не обнять себя за жопу, да покрепче, от моего имени.

Агнес натянула бархатное платье на плечи. Она стояла неподвижно, прижав ладони к юбке. Женщины облачились в тяжелые пальто, вежливо покивали ей, неловко протиснулись мимо Шага, который по-прежнему стоял в дверях. Они все опускали глаза, а Агнес видела, как Шаг улыбается в усы каждой проходящей мимо женщине. Он отошел в сторону, только когда к нему приблизилась громада Нэн.

Шаг понемногу терял былую привлекательность, но все еще мог производить впечатление, притягивать к себе. В его взгляде была какая-то откровенность, которая странные штуки вытворяла с Агнес. Она как-то раз сказала матери, что, когда познакомилась с Шагом, у того так сверкали глаза, что она тут же разделась бы, если бы он попросил. Потом она сказала, что он просил об этом, и не раз. Уверенность, вот чем он брал, объясняла она, потому что писанным красавцем он не был, и его тщеславие было бы отвратительным у человека менее обаятельного. У Шага был талант продать вам свое тщеславие так, будто вы об этом мечтали всю жизнь. Говорил он на глазговский манер – быстро.

---

¹¹ Название больницы в Глазго.

Он стоял там в отглаженном костюме, с узким галстучком, держа в руке кожаный таксистский пояс, и холодным взглядом рассматривал уходящих женщин, как гуртовщик на аукционе скота. Она всегда знала, что Шаг ценит самое высокое и самое низкое; в большинстве женщин он видел приключение. Было что-то в его умении опускать красивых женщин, это давалось ему легко, потому что он никогда их не боялся. Он умел их смешить, заставлял их краснеть и испытывать благодарность к нему за то, что позволяет быть рядом с ним. Он обладал терпением и обаянием, которые давали простушкам уверенность: в такие моменты они себя чувствовали красивейшими из женщин, носивших туфли без каблуков.

Теперь она знала, что он эгоистичное животное на грязный сексуальный лад, и это возбуждало Агнес вопреки голосу ее природы. Это проявлялось в том, как он ест, как набивает пищу рот, слизывает подливку с пальцев, ничуть не заботясь о том, что о нем могут подумать. Это проявилось и в том, как он пожирал глазами уходивших женщин. В последнее время это случалось слишком уж часто.

Она ушла к Шагу от первого мужа. Первый формально был католиком, его благочестия хватало, чтобы районная община принимала его, но предан он был только ей, своей жене. Он был не чета красоте Агнес, а оттого посторонние мужчины питали надежды на ее счет, а женщины посматривали на его пах и гадали, что же они потеряли с женьбой Брендана Макгоуэна. Но терять там было нечего – простоватый, работающий человек почти без воображения, он прекрасно понимал, как ему повезло жениться на Агнес, и потому ее просто боготворил. Если другие мужчины ходили в паб, то он каждую неделю приносил в дом свое жалованье в запечатанном крафтовом конверте и отдавал ей без всяких разговоров. Она никогда не уважала эту его щедрость. А содержимого конверта всегда ей не хватало.

Большой Шаг Бейн казался таким блестящим в сравнении с католиком. Он страдал тщеславием ровно на столько, насколько это позволяет только протестантам, был подозрительным при своем малом достатке, розовомордым от обжорства и расточительства.

Лиззи всегда это знала. Когда Агнес только появилась на пороге с двумя своими старшими и протестантом-таксистом, у нее мгновенно появилось желание захлопнуть перед его носом дверь, но Вулли не позволил бы ей этого. В том, что касалось Агнес, Вулли был оптимистом, а Лиззи называла его слепцом. Когда Шаг и Агнес поженились наконец, ни Вулли, ни Лиззи не пошли с ними в регистрационный отдел. Они сказали, что людям разных исповеданий нельзя жениться, и вообще нельзя сочетаться нецерковным браком. На самом же деле ее мать просто невзлюбила Шага Бейна. Лиззи знала все с самого начала.

Энн Мари вышла одной из последних, у нее слишком много времени ушло на то, чтобы взять свой кардиган и сигареты, хотя все лежало точно на том месте, куда она бросила свои вещички по приходе. Она хотела было сказать что-то Шагу, но он поймал ее взгляд, и она попридержала язык. Агнес видела их безмолвный разговор.

– Рини, как поживаешь, детка? – спросил Шаг с кошачьей ухмылкой.

Агнес оторвала взгляд от тени Энн Мари и посмотрела на свою старую подружку, и сердце у нее защемило заново.

– Нормально, спасибо, Шаг, – неловко ответила Рини, не сводя глаз с Агнес.

Грудь Агнес сдавило, когда Шаг сказал:

– Одевайся, простудишься до смерти. Перевезу тебя на другую сторону улицы.

– Не. Ни к чему. Столько хлопот.

– Чепуха. – Он еще раз улыбнулся. – Все друзья нашей Агнес – мои друзья.

– Шаг, я поставлю тебе чайку, не задерживайся надолго, – сказала Агнес, и голос ее прозвучал куда как сварливее, чем ей хотелось бы.

– Я не голоден.

Он бесшумно закрыл дверь между ними. Занавески снова безжизненно замерли.

Рини Суини жила на Пинкстон-драйв, 9, в квартале высоток, стоявших бок о бок с номером 16. Черному такси нужно было только сделать аккуратный пируэт, и Рини менее чем через минуту была бы дома. Агнес села, закурила и поняла, что ей не один час придется ждать, пока Шаг снова покажет свою физиономию.

Она чувствовала, как горит ее щека под взглядом Лиззи. Ее мать не сказала ни слова – она только раскалялась. Оказаться в ловушке материнской комнаты в роли подсудимой – это было слишком, равно как и иметь мать в качестве зрителя из первого ряда партера, свидетеля каждого злключения ее брака. Агнес взяла свои сигареты и, пройдя по короткому коридору, заглянула к детям. В комнате было темно, если не считать направленного луча кемпингового фонаря. Лик прижимал его к груди подбородком и рисовал что-то в альбоме для набросков, на лице его застыло выражение покоя. Он не поднял головы, и она не увидела его серых глаз под мягкой челкой. В комнате было тепло и душно от дыхания его спящих брата и сестры.

Агнес сложила одежду, разбросанную по полу. Она взяла карандаш из руки сына, закрыла альбом.

– Глаза испортишь, дорогой.

Он вырос – стал почти мужчиной, стал слишком взрослым, чтобы целовать его на ночь, но она его все равно поцеловала и сделала вид, что не заметила, как он отпрянул, почувствовав запах стаута в ее дыхании. Лик посветил для нее фонариком на одинарную кровать, и Агнес проверила свое младшее чадо, натянула одеяло до подбородка Шаги. Она хотел разбудить его, переполненная внезапно нахлынувшей на нее потребностью почувствовать кого-нибудь у себя под боком, подумала, не взять ли его к себе в кровать. Но рот Шаги во сне открылся, его веки чуть подрагивали, он пребывал где-то далеко-далеко – не стоило его тормошить.

Агнес тихонько закрыла дверь и прошла в свою спальню, пошарила между слоями матраса и извлекла оттуда знакомую бутылку водки. Встряхнув ее содержимое, она налила себе в кружку жалкие остатки, а потом присосалась к горлышку в надежде на последние капли и устала на огни города внизу.

Когда Шаг в первый раз не вернулся домой после вечерней смены, Агнес все предрасветные часы провела на телефоне – обзванивала больницы и всех знакомых таксистов. Просматривая свой черный список, она обзвонила всех своих подружек, спрашивала невзначай, как они поживают, но ни слова не сказала о загуле Шага, она даже себе не хотела признаваться в том, что он в конечном счете сделал это.

Женщины рассказывали ей про свое житие-бытие, а она только прислушивалась к другим звукам в их комнатах – не раздастся ли голос Шага. Теперь она хотела сообщить этим женщинам, что ей все известно. Она знала о запотевших окнах его такси, о его жадных руках, о том, как они, вероятно, с тоской в голосе умоляли Шага увезти их подальше отсюда, когда он вставлял им свой ствол. От таких мыслей она почувствовала себя старой и очень одинокой. Она хотела сказать им, что все понимает. Она все знала об этих восторгах, потому что было время, когда сама им предавалась.

Было время, когда ветер, прилетавший с моря, до синевы охлаждал ее бедра, но Агнес ничего этого не чувствовала, потому что была счастлива.

Тысячи мерцающих огней с набережной заливали ее светом, а она шла к ним с открытым ртом. Она была настолько ошарашена, что едва могла дышать. Черные блески на ее новом платье отражали яркие огни, отправляли их мерцание назад в толпу, пришедшую на Двухнедельную ярмарку, и толпа начинала светиться не хуже самой иллюминации. Шаг поднял ее, поставил на пустую скамью. Огни горели по всему берегу, насколько хватало глаз. Все здания соревновались друг с другом, мерцая тысячью собственных праздничных лампочек. Здесь были вывески американских салунов со скачущими лошадьми и подмигивающими ковбоями, рядом отплясывали танцовщицы в духе Лас-Вегаса. Она посмотрела на Шага, который сиял,

глядя на нее. Он был красив в своем добротном черном зауженном костюме. Выглядел так, будто что-то собой представлял.

– Я уже забыла, когда ты в последний раз водил меня на танцы, – сказала она.

– Я еще могу зажигать. – Он осторожно перенес ее со скамьи на землю, на мгновение сжав ей талию. Шаг мог видеть набережную в ее глазах, захудалый гламур клубов и приключения танцплощадок. Он спрашивал себя, неужели и все это потеряет для нее блеск. Он снял пиджак, накинул ей на плечи.

– Да, огни Сайтхилла после этого будут казаться другими.

Агнес пробрала дрожь.

– Давай не будем говорить о доме. Сделаем вид, будто мы убежали.

Они шли по мерцающей набережной, стараясь не думать о мелких повседневных делах, которые сеяли рознь между ними, заставляли жить в квартире высотного дома, где за стенкой их спальни храпели ее мать и отец. Агнес смотрела на переливающиеся огни. Шаг смотрел, как мужчины пожирают ее жадными глазами, и ощущал нездоровую гордость.

В сером свете того утра она впервые увидела набережную Блэкула. Ее сердце тихо разбилось от разочарования. Потрепанные здания выходили на темный, волнующийся океан и холодный песчаный берег, по которому носились посиневшие от холода детишки в трусах. Сплошные ведерки, лопатки и пенсионеры в клеенчатых шапочках от дождя. Это были приехавшие на денек семьи из Ливерпуля и любители путешествовать на автобусах из Глазго. Он планировал эту поездку как возможность побыть вдвоем. Она кусала щеку изнутри при виде посредственности, окружавшей ее здесь.

А теперь, вечером, она чувствовала притяжение того, что днем казалось ей обыденностью. Истинное волшебство заключалось в иллюминации. Она не видела ни одной поверхности, которая не сияла бы. Старые трамваи, ходившие посреди улицы, были украшены огнями, хилые деревянные пристани, уходившие в солоноватое море, были подсвечены, как взлетно-посадочные полосы. Даже дамские шляпки «Целуй меня скорей»¹² то загорались, то гасли, словно сменяемые похотью. Шаг сжал ее запястье и повел сквозь толпу вдоль сверкающего променада. Ребятишки визжали на детском автодроме, оборудованном на пирсе. Ревели и сверкали электромобили, звякали монетки в игральных автоматах. Шаг тащил ее сквозь толпу к Блэкульской башне¹³, нырнул то вправо, то влево по таксистской привычке.

– Дорогой, пожалуйста, сбрось газ, – взмолилась она. Огни пролетали мимо нее слишком быстро, она не успевала насладиться ими. Она вырвала руку из его пальцев – на запястье, там, где он ее держал, образовалось красное кольцо.

Раскрасневшийся Шаг моргал в этой праздничной толпе. Кровь прихлынула к его лицу от злости и смущения. Посторонние мужчины покачивали головами, словно уж они-то знали, как нужно обращаться с такими красавицами.

– Ты ведь не собираешься устроить скандал?

Агнес потерла руку. Она пыталась прогнать недовольство с лица. Она ухватила его мизинец своим. Золото его масонского кольца, соприкоснувшегося с ее ладонью, было холодным и мертвым.

– Просто ты слишком спешил, ничего больше. Дай мне насладиться. У меня такое ощущение, будто я никогда не выхожу из дома. – Она отвернулась от него к огням, но волшебство исчезло. Иллюминация была дешевой.

Агнес вздохнула.

---

¹² «Целуй меня скорей» (*Kiss-Me-Quick*) – шляпы с такой надписью популярны на британских морских курортах. – *Прим. ред.*

¹³ *Блэкульская башня* – туристическая достопримечательность Блэкула. Высота башни 158 м. Входит в состав развлекательного комплекса, который включает в себя саму башню, бальный зал, цирк. – *Прим. ред.*

– Выпьем немного. Чтобы холод прогнать, вдруг это поможет нам вернуть праздничное настроение.

Шаг прищурился, провел кулаком по усам, словно ловя все те жесткие слова, которые хотел сказать ей.

– Агнес. Я тебя прошу. Пожалуйста, можешь ты хоть сегодня не пить?

Но она уже шла – через трамвайные рельсы к подмигивающему ковбою.

– Здрасьте, – сказала барменша с сильным ланкаширским акцентом. – Чудненькое платьице.

Агнес устроилась на вращающемся барном табурете, изящно скрестила щиколотки.

– «Бренди Александр»¹⁴, пожалуйста.

Шаг принялся вертеть соседний табурет, пока тот не стал выше, чем ее. Он, подпрыгнув, уселся на него, повернулся к ней – их глаза были на одном уровне.

– Холодного молока, пожалуйста.

Он вытащил две сигареты из пачки, и Агнес жестом попросила его прикурить одну для нее. Барменша поставила перед ними заказ. Молоко было в детском стаканчике, Шаг, отодвинув стаканчик от себя, попросил его заменить.

Он сунул зажженную сигарету в рот Агнес, погладил ей затылок в том месте, где из прически выбились мягкие кудряшки. Она залезла в сумочку, поправила выбившиеся прядки, потом – *пи-и-и* – закрепила их душистым аэрозольным лаком для волос. Агнес отхлебнула большой глоток сладкого коктейля, облизнула губы.

– В Блэкпуле побывала Элизабет Тейлор. Интересно, ей понравились морские улитки?

Шаг поковырял в носу своим окольцованным мизинцем, скатал извлеченную слизь между большим и указательным пальцами.

– Кто ж это знает?

Она повернулась к нему.

– Может, нам переехать сюда. Тогда все время будет как сейчас.

Он рассмеялся и отрицательно покачал головой, словно она была малое дитя.

– У тебя каждый день что-нибудь новенькое. Я уже устал под тебя подстраиваться.

Он провел пальцем по блесткам на кромке ее платья, а она перевела взгляд на толчею за дверями бара. Обычные люди, уже облаченные в зимние пальто.

– Знаешь, чего я хочу. Я бы поиграла в бинго. – Алкоголь теплом разливался по ее телу. Довольная, она обхватила себя руками.

– Столько огней. Мне сегодня повезет.

– Ты так думаешь? Я попросил зажечь эти огни только для тебя.

Принесли еще выпивку. Агнес огляделась, достала соломинку, пластиковую палочку и два кубика льда.

– Сегодня это точно. Я выиграю кучу денег. Начну жить по-настоящему. Я научу Сайтхилл процветанию. Я это просто чувствую. – Она одним глотком допила бренди.

Комната, которую они сняли, находилась на верхнем этаже викторианского дома, расположенного в трех улицах от променада. Комнатка была простовата даже для блэкпульской трехразрядной гостинички, и пахло здесь так, как и должно пахнуть в доме, где комнаты сдаются постояльцам на день-другой, а не семьям на весь отпуск. Каждая покрытая ковром площадка имела свой стойкий специфический запах. Здесь все пропахло подгорелыми тостами и статическим напряжением телеэкранов, словно хозяйка никогда не открывала в доме окон.

---

¹⁴ «Бренди Александр» – коктейль со сливками на основе коньяка (или бренди) и шоколадного ликера. – Прим. ред.

Агнес лежала перед дверью, словно брошенная драная тряпка от сквозняка. Платье в блестках задралось на ней чуть не до пупа, обнажив белые ноги. Она потрогала рукой голову в том месте, где волосы начали вырываться. Шаг пересек комнату, убрал ее руку с головы, внезапно устыдившись содеянного.

– Прекрати трогать себя. Ничего страшного с тобой не случилось.

Ее пальцы нащупали что-то липкое на голове – кровь. В ушах у нее стоял звон от непрерывного стука – ударов о каждую ступеньку. Пьяная немота покидала ее.

– Ты почему это сделал?

– Ты надо мной издевалась.

Шаг снял свой черный пиджак, повесил его на единственный стул, снял черный галстук, аккуратно скрутил его. Лицо у него покраснело, отчего его глаза почему-то казались меньше и темнее. Пока он тащил ее по лестнице, его волосы растрепались, открылась плешь, которую он тщательно прятал. Выбившиеся пряди висели у его левого уха, тоненькие, как мышинные хвостики. В глубине горла что-то пощелкивало, словно потрескивало электричество в плохо соединенных проводах. И тут его руки снова взялись за нее. Она почувствовала его коготь у себя на шее, другой – на бедре. Он пальцами закапывался в ее нежное тело, чтобы быть уверенным в крепкой хватке. Когда плоть стала отделяться от кости и Агнес вскрикнула от боли, он своим перстнем дважды ударил ее по щеке.

Когда она смолкла, Шаг наклонился и, вонзив пальцы в ее плечо и бедро, перебрал Агнес на кровать, как порванный мешок с мусором. Потом он взгромоздился на нее. Его лицо пылало, жидкие волосы свисали с распухшей головы. Он словно наполнялся кипящей кровью. Он придавил локтями ее предплечья, впечатал их в матрас так, что они уже готовы были треснуть. А потом всей тушей, всем весом, который набрал, ведя сидячий образ жизни, навалился на нее.

Правой рукой он залез ей под платье, нашел ее мягкую, белую плоть. Она скрестила ноги под ним, он почувствовал, как сплелись ее щиколотки. Свободной рукой он ухватил ее бедра и попытался разъединить их неподвижную тяжесть. Она не поддавалась. Замок был крепок. Он вонзил пальцы в мякоть ее бедер так глубоко, что ногти стали разрывать кожу, и тогда она от боли сдалась и разъединила щиколотки.

Он вошел в нее под ее плач. В ней уже не осталось хмеля. В ней не осталось сил для сопротивления. Кончив, он упал головой на ее шею. Сказал, что завтра в сиянии огней пойдет с ней на танцплощадку.

Три

То лето, когда оно наконец наступило, было душным и влажным. Для человека, который ведет ночной образ жизни, дни казались слишком долгими. Долгий световой день был подобен бесцеремонному гостю, северные сумерки не спешили уходить. Большой Шаг с трудом перемогался в летние дни. Солнце пробивалось через плотные шторы, которые в конечном счете обретали мерцающий фиолетовый цвет, а дети всегда становились наиболее шумными именно в это время, когда они были самыми счастливыми, дверь постоянно хлопала, носились как угорелые громкоголосые подростки из других квартир, с утра до вечера женщины шлялись туда-сюда по ковру в прихожей, производя равно отвратительные звуки и своими розовыми пятками в плетеных сандалиях, и своими розовыми языками.

Когда наконец наступал вечер, Большой Шаг садился за руль и описывал несколько малых, узких кругов на своем черном такси. Оно крутилось, как жирная собака, гонящаяся за своим хвостом, потом спешило прочь из Сайтхилла. Увидев огни Глазго, он, вздохнув с облегчением, откидывался на спинку сиденья, позволяя себе расслабиться в первый раз за день. В течение следующих восьми часов город принадлежал ему, и у Шага имелись планы на этот город.

Он протирал окно и внимательно разглядывал себя в боковое зеркало. Улыбался себе, восторгаясь собственным потрясающим видом: белая рубашка, черный галстук, черный костюм. «Не слишком ли это шикарно для работы?» – спрашивала Агнес, но она в последнее время вообще много чего говорила. Он улыбался чуть не всем телом, размышляя: не в крови ли у него вождение такси. Для него и его брата Раскала это был практически семейный бизнес. Его отцу такая работа тоже пришлось бы по душе, не убей его судостроение.

Шаг притормозил у огня в тени Королевской больницы – там тайком курила стайка медсестер. Он смотрел, как они потирают замерзшие пальцы в прохладном ночном воздухе, подпирают свои сиськи плотно сложенными на груди руками. Они курили без рук, боясь потерять хоть кроху телесного тепла. Он неторопливо улыбался, разглядывал свою реакцию в зеркале. Ночная смена определенно устраивала его больше всего.

Он любил ехать по городу в одиночестве и темноте, приглядываться к подпольной стороне этого мира. Здесь появлялись персонажи, тертые этим серым городом, и на месте их удерживали годы пьянства, дождей и надежды. Он зарабатывал себе на жизнь, перемещая людей из одной точки в другую, но его любимое времяпрепровождение состояло в их изучении.

Тонкое окно с водительской стороны пискляво скрипнуло, когда он опустил его, чтобы насладиться сигаретой. Ветерок растрепал длинные пряди его жидких волос, они заколыхались, как прибрежная трава. Он ненавидел намечающуюся лысину, ненавидел приближающуюся старость – это так затрудняло жизнь. Он чуть опустил зеркало, чтобы не видеть собственной плечи, нащупал свои длинные густые усы и принялся рассеянно гладить их, как домашнего любимца. Ниже усов подрагивал второй подбородок. Он вернул зеркало в прежнее положение.

После дождя улицы Глазго сверкали в свете фонарей. Больничные сестры не задержались на улице, побросали недокуренные сигареты в лужи и поспешили в здание. Шаг вздохнул, тронулся с места и через Таунхед¹⁶ направился в городской центр. Ему нравилось выезжать из Сайтхилла, это было подобно спуску в сердце викторианской тьмы. Чем ближе ты подъезжал к реке, самой низкой части города, тем больше настоящий Глазго открывался перед тобой. Там были ночные клубы, втиснутые под мрачные железнодорожные арки¹⁷, погруженные в темноту

---

¹⁶ Таунхед – район на северо-востоке Глазго. – Прим. ред.

¹⁷ Так называемые железнодорожные арки появились в XIX веке как инфраструктура при железных дорогах, использовались они в основном как складские помещения. В настоящее время они сдаются в аренду под кафе, бары, магазины и т. п.

пабы без окон, где в солнечные дни сидели в потном, вонючем чистилище старики и старухи. Внизу близ реки тощие женщины с испуганными лицами продавали себя мужчинам в полированных машинах с просторными кузовами, а иногда именно здесь полиция находила их расчлененными в черных мешках для мусора. На северном берегу Клайда располагался городской морг, и потому казалось вполне уместным, что все потерянные души плывут в том направлении, чтобы не доставлять лишнего беспокойства, когда, дай бог, придет их время.

Проезжая мимо вокзала, Шаг порадовался, что площадка для такси полна машин, а пассажиров не наблюдается. Туристы были унылыми, говорливыми гребаными скупердяями. Связываться с ними означало бесконечно грузить в багажник неподъемные чемоданы, после чего они садились сзади в своих шуршащих дождевиках, и от их дыхания запотевали стекла. Эти уродливые узкожопые ублюдки могли всучить тебе десятипенсовик на чай. Он ехидно библикнул парням за рулем и поехал дальше вниз – к реке.

Дождь был для Глазго естественным состоянием. Благодаря дождю трава оставалась зеленой, а люди – бледными и подверженными простудам. Влияние дождей на бизнес таксистов было минимальным. Проблема состояла в том, что поскольку дожди были вездесущими, а высокая влажность повсеместной, то пассажиры не видели разницы между влажными сиденьями в автобусе и влажными сиденьями в дорогом такси. С другой стороны, в дождь молоденькие девочки после танцплощадки хотели добираться до дома на такси, чтобы не погубить прически или остроносые туфельки. По этой причине Шаг предпочитал бесконечные дожди.

Он остановился на стоянке на Хоуп-стрит. Долго ему стоять не придется. Тут, помимо него, поджидали пассажиров лишь два-три таксиста. Отсюда можно было за минуту добежать вприпрыжку до танцзала на Сокихолл-стрит или до Блитсвуд-сквер, откуда подгоняемой холодом рысцой прибегали фабричные девчонки. В любом варианте шансы провести неплохую ночь были довольно высоки.

Шаг сидел, мрачно курил, слушал потрескивание рации. Женщина-диспетчер сообщила, что пассажиры есть в Поссиле, откуда им нужно в Тронгейт. Голос Джоани Миклвайт был единственным на этой волне, и он каждую ночь слушал, как она вела этот бесконечный круговой монолог, просила о помощи, ожидала ответов, раздавала заказы и пресекала любые препирательства. Всегда только односторонний разговор, словно она говорила с самой собой или говорила, казалось, только с ним. Ему нравились мирные интонации ее голоса. Он находил в них утешение.

Он докурил сигарету, увидел молодую пару – они жались друг к другу, возвращались домой после позднего сеанса. Таксисты перед ним один за другим подобрали пассажиров и уехали в ночь. Он теперь стоял первым, поедая глазами группу молодых девчонок. Они сорили чипсами на тротуар и спорили, как им лучше добраться до дому. Вроде они уже собрались ехать на такси, но нет, толстушка, самая практичная из них, пожелала ждать вечерний автобус. «Оставьте ее, – подумал он, – пусть вымокнет». Самая хорошенькая, промокшая насквозь, продолжала двигаться к нему. Шаг в сумеречном свете проверял свою улыбку.

От грязных мыслей его отвлекли костлявые пальцы, забарабанившие по стеклу.

– Приятель, пассажиров берешь? – спросил мужской голос.

– Нет! – крикнул Шаг, показывая на страдалиц-девчонок.

– Вот и хорошо, – сказал старик, словно и не слышал ответа. Он открыл дверь, прежде чем Шаг успел заблокировать ее, и занес свое небольшое тело в просторном пальто в машину. – Знаешь бар «Рейнджерс» на Дьюк-стрит?

Шаг вздохнул.

– Знаю, приятель. – Хорошенькая девица прошла мимо к следующей в очереди машине. Он неуверенно улыбнулся ей, но она словно и не заметила его.

Старик проигнорировал черное кожаное сиденье во всю ширину такси и, раскрыв откидное кресло, уселся ровно за спиной Шага. Это было приметой разговорчивого пассажира. «Вот ебаное счастье», – подумал Шаг.

Снаружи было сыро, а в салоне – влажно. Теперь в машине запахло прокисшим молоком. На старике была желтая рубашка и помятый серый костюм, на который он натянул тонкое шерстяное пальто, а поверх надел еще одно – мешковатое, отчего стал похож на беженца. Его миниатюрная фигура утопала в ярдах шотландской шерсти и габардина. На голове у него сидела кепочка, в тени козырька которой торчал только его красный нос. Болтовня началась сразу же.

– Видал сегодня игру, сынок? – спросил молочный пассажир.

– Нет, – ответил Шаг, заранее зная, к чему приведет такое начало.

– Ай-ай, ты пропустил великую игру, просто охереть какую игру. – Человек разговаривал сам с собой. – А ты за кого болеешь?

– «Селтик», – солгал он. Шаг не был католиком, но воспользовался этим самым быстрым способом закончить разговор¹⁸.

Лицо старика сморщилось, как упавшее полотенце.

– О, мудило я грешное, как же я не просек, что это папистское такси.

Шаг наблюдал за ним в зеркало заднего вида и усмехался в усы. Он не болел за «Селтик», за «Рейнджерс» он тоже не болел, но гордился своим протестантизмом. Он бы повернул на пальце свой масонский перстень, но старик не смотрел в его сторону, он совершал руками такие движения, будто плыл под водой.

Шаг озадаченно наблюдал, как старик приводил себя в состояние рассеянного отчаяния, переходя от плаксивости к воинственности. Он держал ладони перед собой, словно молил о чем-то господу. Потом он положил руку на перегородку, приблизил лицо на несколько дюймов к стеклу, отделявшему его от уха Шага, и принялся пьяным заплетающимся языком скороговоркой выплевывать случайные слова, при этом он корчил гримасы, как малыш, осваивающий разговорную речь. Крупные капли слюны затуманивали перегородку. Шаг намеренно резко затормозил, и старик с глухим стуком ударился лбом о стекло. Кепочка слетела с его головы, но это не охладило его – пассажир продолжал бормотать. Шаг нахмурился. Придется ему потом протирать заплеванное стекло.

Этот старый глазговский бродяга принадлежал к вымирающему племени исконно безобидных душ, которые с распространением в городе наркотиков деградировали в нечто более молодое и гораздо более отвратительное. Шаг посмотрел в зеркало и прислушался к пьяному монологу, речи такой тихой и несвязной, что он выхватывал из нее лишь отдельные слова: «Тэтчер», «профсоюз» и «ублюдки». Без всякого сочувствия смотрел Шаг, как старик попеременно то смеется, то плачет.

Таверна «Лауден» стояла темная, без окон, с дверью, надежно встроенной в кирпичный фасад невысокого здания. Она была камнепробиваемая, бутылкостойкая и взрывопрочная. Фасад, выкрашенный в красно-бело-голубые цвета «Глазго Рейнджерс», выглядел вызывающе дерзким в тени Паркхеда – родины «Глазго Селтик»¹⁹, спортивной Мекки всех католиков.

Шаг сказал старику, что с него фунт и семьдесят пенсов, потом смотрел, как тот роется в карманах. Так себя вели все глазговские пьянчужки. Свое пятничное жалованье они оставляли в каждом баре, мимо которого проходили, пока у них в карманах не оставались звенеть только пяти- и десятипенсовики сдачи. Общий вес этих тяжелых монеток придавал их походкам загородную шаткость и сутулость. Они доживали неделю на эти монетки, рассчитывая на удачу, которая улыбалась им редко. Даже спать они ложились в своих брюках и безразмерных пальто,

---

¹⁸ Болельщики глазговского футбольного клуба «Селтик» традиционно католики.

¹⁹ Паркхед – один из районов Глазго, известен тем, что здесь располагается база и стадион футбольного клуба «Селтик».

боясь, что жена или дети первыми обчистят их карманы и купят на эту денежную шрапнель хлеб и молоко.

Старик целую вечность шарил у себя по карманам. Шаг слушал тихий голос в приемнике и пытался оставаться спокойным. Когда бродяга расплатился и исчез в темной пасти паба, Шаг уже мчался назад по Дьюк-стрит, чтобы не пропустить закрытия танцплощадки. У «Скалы» какая-то старушенция выставила руку и принялась махать ею, как пичуга крылом. Шагу пришлось остановиться, чтобы не переехать ее.

Она села на заднее сиденье, и он облегченно вздохнул, когда увидел, что женщина расположилась ровно по центру.

– Парейд, пожалуйста.

Она шмыгнула носом, поморщилась, презрительно посмотрела на Шага. Запах там, вероятно, стоял такой, будто кто-то нассал в кастрюлю с засохшей овсяной кашей.

Такси начало подниматься на холмы Деннистауна, застроенные многоквартирными домами. Шаг посмотрел в зеркало и увидел, что женщина смотрит на него. Глазговские домохозяйки всегда садились в такси ровно посередине и никогда сбоку, чтобы смотреть в окно, или на одно из откидных сидений, как это делали одинокие старики, которым не хватало общения. Она сидела, как и все они: с прямой спиной, положив сцепленные руки на колени, завернувшись в свое пальто, волосы у нее были расчесаны и уложены даже на затылке, а лицо застыло, словно на него надели маску.

– Совершенно ужасный был вечер, лило как из ведра, – сказала она наконец.

– Да, по радио говорили, что всю неделю будет моросить.

Что-то в этой женщине напоминало ему его мать, давно уже умершую. За огрубевшими руками и миниатюрной фигурой скрывались сила и воля, которыми природа явно ее не обделила. Он вспомнил те ночи, когда отец поднимал руку на мать. Чем больше она терпела, тем чаще он обрушивал на нее удары, от которых ее кожа краснела, потом синела, потом чернела. Шаг вспомнил о матери, сидевшей перед зеркалом – как она начесывала волосы на лицо, размазывала косметику вокруг глаз, чтобы скрыть синяки.

– Я только хотела сказать, что обычно не пользуюсь такси.

Она отыскала его глаза в зеркале.

– Неужели? – сказал Шаг, радуясь тому, что она оборвала поток его воспоминаний.

– Да, но я, видите ли, выиграла чуток сегодня. Самую капельку, но все равно приятно. – Она нервно терла ноготь большого пальца – Понимаете, очень кстати эти деньги теперь, когда мой Джордж остался без работы. – Она вздохнула. – Двадцать. Пять. Лет. Вышвырнули с металлургического завода в Далмарноке, дали только трехнедельное жалованье. Трехнедельное! Я сама туда поехала, постучала в большую красную дверь начальника и рассказала ему, что можно сделать на трехнедельное жалованье. – Она открыла защелку своей маленькой жесткой сумки, заглянула внутрь. – И знаете, что мне ответил этот сукин сын? «Миссис Броди, вашему мужу еще повезло, что он получил трехнедельное. У меня есть молодые парни, у которых вся жизнь впереди, а они получают только то, что им причитается до конца смены». От этих его слов у меня кровь просто закипела, и я ему сказала: «У меня дома два взрослых мальчика, я их должна кормить, а они тоже не могут найти работу, и как же мне, по-вашему, жить дальше?» Он посмотрел на меня и сказал, даже глазом не моргнув: «Пусть попытают счастья в Южной Африке!»

Она защелкнула сумочку.

– Да они в Южном Ланаркшире-то не бывали, какая уж тут Южная Африка! – Она продолжала тереть большой палец. – Это несправедливо. Правительство должно что-то сделать. Закрывают металлургические заводы и верфи. На очереди шахтеры. Вы только посмотрите! Южная Африка! Никогда! Отправляться в Южную Африку, чтобы строить там дешевые суда,

которые потом доставят к нам, чтобы еще больше наших мальчиков оставить без работы? Скопище свиней.

– Алмазы, – сказал Шаг. – В Южную Африку едут добывать алмазы.

Женщина посмотрела на него так, будто он ей в чем-то перечил.

– Мне все равно, что они там добывают, они могут хоть лакрицу выковыривать из негритянской жопы, мне на это дело наплевать. Но они должны работать здесь, дома, в Глазго, и есть то, что им приготовила мать.

Шаг нажал педаль газа. Город менялся, он видел это по лицам людей. Глазго терял свое предназначение, и Шаг ясно видел это через стекло. Он чувствовал это по своим пассажирам. Он слышал, как они говорят, что Тэтчер больше не нужны честные работяги, ее будущее – это технологии, атомная энергетика и частная медицина. Промышленные времена закончились, и остовы верфей Клайда и сталелитейного завода в Спрингберне лежат в городе, как разложившиеся динозавры. Все микрорайоны, населенные молодыми людьми, которые собирались пойти по стопам отцов, теперь не имели будущего. Мужчины теряли свои мужские качества.

Шаг наблюдал, как рабочий люд вымывается из их бедняцких кварталов. Чиновники средней руки и архитекторы сочли гениальным решение окольцевать город новыми застройками и дешевыми домами. Будто все городские болячки исчезнут, если дать людям по клочку травы и вид на небо.

Женщина замерла на заднем сиденье. Кожа вокруг ее больших пальцев сходила на нет, а в уголках ее рта затаилась тревога. И только когда она поправила у себя волосы на затылке, Шаг понял, что она все еще жива. Он остановил машину у входа в ее подъезд, и она сунула ему в руку фунт чаевых.

– Эй, что это вы? – Он попытался вернуть ей деньги. – Мне этого не надо.

– Для душевного спокойствия, – шикнула она на него. – Кроха от моего выигрыша. Я раздаю удачу. Удача – вот единственное, что в силах помочь нам выкарабкаться.

Шаг неохотно взял деньги. В жопу английских туристов с их ублюдочными «кодаками». Шаг видел такое и прежде: те, кому нечего давать, дают больше других.

К тому времени, когда Шаг вернулся в центр, последний сеанс уже закончился и город на несколько часов погружался в холодный сон. Из некоторых ночных клубов доносилась музыка, но ждать около них пассажиров было самоубийством, потому что первые пьяницы появятся из дверей далеко за полночь. Шаг вздохнул, подумал, не подождать ли ему. Может, подхватит какую пташку, которую оставили сторожить «Бейбичам»²⁰, пока ее подружки танцевали с парнями. Самые уродливые пташки обычно выходили первыми. Он уже отвозил их домой прежде, даже ждал их с выключенным счетчиком, пока они покупали себе в утешение пакетик с чипсами и шоколадный бисквит у пакистанца на углу. Если с ними поговорить по-доброму, они в ответ становились совершенными очаровашками.

Он ослабил галстук, расположился поудобнее, приготовившись к долгому ожиданию, когда по радио раздался мягкий голос: «Машина тридцать один. Машина тридцать один. Ответьте». Сердце у него упало. Это была Агнес. Никто другой не мог его искать.

Он взял черную трубку и нажал кнопку сбоку.

– Тридцать первый слушает.

Наступило долгое молчание, он замер в ожидании новостей.

– Вас вызывают в больницу Стобхилл, фамилия клиента Истон, – сказала Джоани Миклвайт.

– У меня пассажир, везу в аэропорт. Поближе у вас нет машины? – спросил он.

---

²⁰ Легкий алкогольный напиток, напоминающий сидр.

– Извини, солнышко! Вызывают именно тебя. – Он чуть ли не слышал ее улыбку. – Клиент говорит, можно не торопиться, спешки нет.

Он не думал, что будет вот так. Ну да, случалось с Агнес. Или даже с первой его – просила денег на четырех детишек. Но чтобы вот так – он себе и представить такого не мог. Их отношения еще не зашли так далеко.

Добраться до старой больницы в такое время можно было за считанные минуты. Королевская лечебница – это место, где лечили после футбольных драк и домашних потасовок в день выплаты жалованья. Стобхилл – это место, где родился Глазго и где он умирал. Теперь в освещенном фойе там стояла похожая на мышонка девица в голубом переднике уборщицы. Она проводила ногтями по своим вялым бедрам, месила их, чтобы придать им прямую, ровную форму. Вся ее косметика потекла от холода и слез, и он видел кольцо окурков у ее ног, словно она ждала его на холоде весь свой перерыв. Шаг улыбнулся. Ей было всего двадцать четыре, а она уже стала его дверным половичком.

– Я уж думала, что ты не приедешь, – сказала она, устраиваясь на заднем сиденье.

– Ты меня зачем звала?

– Соскучилась – только и всего, – сказала она. – Я тебя сколько недель не видала. – Она раздвинула свои толстые ноги и кокетливо их сжала. – Ты ведь меня не бросил, правда? – Она ухмыльнулась.

Шаг повернулся на сиденье.

– Ты какого хера о себе думаешь, Энн Мари? Я пытаюсь себе на жизнь заработать, а ты меня зовешь через весь город, словно я пес, который нассал тебе на коврик. – Он ударил основанием кулака по стеклянной перегородке. – Мы должны быть осторожны. Типа, чтобы все шито-крыто. Ты хоть понимаешь, что будет, если Агнес узнает? Я тебе скажу, что будет. Она возьмет тебя за шкирку и для начала протащит по всему городу. Когда ей надоест волочить твоё тело, она начнет трепать твоё доброе имя. Будет каждый вечер звонить твоим родителям, как только они улягутся спать. Она их станет будить и рассказывать им, что их хорошенькая католическая дочурка завела шашни с женатым мужчиной. – Он помолчал, наблюдая, какой эффект произвели его слова. – Ты и в самом деле этого хочешь?

По ее щекам текли слезы, капали на фаргук.

– Но я тебя люблю.

Шаг резко развернулся и припарковался в дальнем углу пустой стоянки. Посмотрел на часы, потом снова встретил ее взгляд в зеркале.

– Тогда снимай трусы на хуй. У меня только пять минут.

Возвращаясь в город, Шаг почувствовал, что проголодался. Он был уверен: Энн Мари теперь некоторое время не будет его домогаться. Она была хорошей девочкой, с большими сиськами, сладострастная вдобавок, но она обременяла его. Проблема с молодыми состояла в том, что они не видели причин, почему бы им не ждать для себя лучшего. С ней определенно нужно расстаться.

Он думал о голосе по радио, когда тот снова заговорил с ним.

– Машина тридцать один, машина тридцать один, отвечайте.

Он взял трубку и затаил дыхание, удача перестала ему улыбаться.

– Джоани?

– Позвони. Домой. Сейчас, – раздался короткий ответ.

Он остановился у въезда на Гордон-стрит, достал из кошелька монетки, рванул под дождем к красной телефонной будке. Внутри было влажно и пахло мочой. Он прежде пытался игнорировать приказы Агнес, но это только затрудняло ему жизнь. Она с приближением ночи становилась настойчивой, более требовательной. Лучшее, что он мог сделать, это *«Позвонить. Домой. Сейчас»*.

Она сняла трубку, едва успев отзвучать первый гудок. Она наверняка сидела в коридоре за столиком, обтянутым кожзаменителем, выпивала, ждала, выпивала.

– При-вет, – раздался ее голос.

– Агнес, что случилось?

– О-го, неужели это сам старший блядовод собственной персоной?

– Агнес, – Шаг вздохнул, – который час?

– Я знаю, – прошипел пьяный голос.

– Что знаешь?

– Знаю. Всё.

– Ты плетешь хрен знает что. – Он переступил с ноги на ногу в тесной будке.

– Я знаааю. – Ее голос прозвучал, как раскат грома, ее влажные губы были совсем близко от микрофона.

– Если ты собираешься это продолжать, то я пошел дальше работать.

На другом конце провода послышалось приглушенное рыдание.

– Агнес, ты не должна больше звонить диспетчеру. Меня уволят. Я вернусь домой через несколько часов, тогда и поговорим. О'кей? – Но ответа он не получил. – Ну хорошо. Ты хочешь знать то, что знаю я? Я знаю, что люблю тебя, – солгал он. Рыдания стали громче. Шаг повесил трубку.

Через его туфли с кисточками просачивалась вода и моча. Он снова взял черную трубку, шархнул ею по красной будке. Он выбил три стеклянных панельки, прежде чем трубка сломалась, и тогда он почувствовал себя лучше. Он вернулся в машину, и ему пришлось посидеть спокойно десять минут, пока его пальцы не смогли разжаться и отпустить баранку.

Может быть, ему полегчает, если он перекусит. Он пошарил под сиденьем, нащупал пластмассовую коробочку. Из нее пахло маргарином и белым хлебом, как от брака и тесных квартир. От кусков солонины, приготовленных для него Агнес, его желудок готов был вывернуться наизнанку. Он кинул их в водосток, проехал мимо нескольких боковых улочек и остановился у забегаловки «ДиРолло», работающей круглосуточно. «ДиРолло» пользовалась популярностью у таксистов и проституток, поскольку работала, когда все другие закрывались, а ее хозяин был не очень придирчив. На вывеске красовался красный омар, но никаких экзотических предложений клиенты внутри не получали.

Джо ДиРолло стоял за прилавком, казалось, круглые сутки семь дней в неделю. Ночью в свете флуоресцентных ламп он походил на покойника. Невысокий человек с редкими волосами, зачесанными назад и уложенными то ли жиром от чипсов, то ли «Брилькремом». Он напоминал маслянистый айсберг, поскольку над прилавком виднелись только его голова и плечи. Остальная часть его хилой фигуры прижималась к мачете, которое он держал под прилавком. Он приветствовал всех клиентов хрипловатым покашливанием и наклоном большой головы.

– Как дела, Джо? – спросил Шаг без всякого интереса.

– Да ничего.

– Был занят с нашими прекрасными дамами?

Шаг показал большим пальцем в направлении тощей женщины, которая стояла с закрытыми глазами и покачивалась.

– Ну-у-у, с ними ты же сам знаешь – начал-кончил и привет. – Он рассмеялся собственной шутке. – Бизнесу от них мало прока. Съедят полпакетика чипсов, выпьют шипучки – и все! Попросят воспользоваться моим туалетом, моим персональным туалетом, и старина Джо говорит: лады. Он хороший парень, но нельзя запирается в туалете на целый час. Они съедают полпакетика чипсов, а потом подмывают пизду в моем туалете.

Шаг разглядывал жареную рыбу на прилавке с подогревом.

– Это все наркота. Я бы теперь ни одной из них не сунул.

– Онидохнут, как мухи. Если наркотик их не прикончит, то придушит какой-нибудь ублюдок.

– Ты меня отвлек от моих морских улиток. – Шаг напустил на лицо деловое выражение. – Значит, так, рыбный ужин, побольше соли и уксуса, сделаешь?

Джо взял белую бумагу, высыпал на нее горку картошки фри, положил большой кусок золотистой рыбы в масле, потом посыпал горячую еду солью, полил уксусом, а Шаг покрутил над всем этим пальцами и сказал:

– Еще, Джо. Еще.

Джо поливал рыбу уксусом, пока та совсем не пропиталась жидкостью.

Он передал Шагу заказ.

– Так ты мне и не отвечаешь на мое предложение. Тебе нужен тот домишко или нет?

Джо ДиРолло не только заправлял в своей забегаловке, он еще был знаменит тем, что обводил вокруг пальца городской совет Глазго. Он подписывался на получение дотаций на квартиры от имени какой-нибудь из своих многочисленных дочерей, а потом сдавал их в аренду – получал лишнюю десятку в неделю на покрытие той суммы, которую первоначально взыскал с него совет.

– Я тебе дам знать, – сказал Шаг, пятясь поближе к двери. – Миссис Бейн, она, понимаешь, с трудом поддается убеждениям.

– Меня удивляет, что ты вообще хочешь оттуда съехать. Я-то думал, ты в этой сайтхилльской высотке будешь жить король королем.

– Король – парень что надо. Это королева требует обезглавливания. Ты еще попридержи этот свой пустой домик. Мне сначала нужно много дел уладить. Я хочу, чтобы все прошло без сучка и задоринки.

Он улыбнулся и вонзил зубы в рыбу.

Когда Шаг доел, часы показывали, что работать ему оставалось около часа. Он опустил окно, когда солнце взошло над Джордж-сквер²¹. Оно искупало город в теплых оранжевых лучах и подожгло статую Робби Бернса. Наступило лучшее время дня. Город пребывал в состоянии покоя, который неизбежно уничтожали дневные толпы. Он с нетерпением посмотрел на часы и раньше времени отправился в Норт-сайд.

Он всю дорогу до Джоани Миклвайт ехал медленно, опустив окна и освежив воздух прикосновением указательного пальца к рычажку зеленого аэрозольного баллончика. У нее вскоре закончится смена, и они смогут сказать друг другу то, что нельзя говорить по рации. Он втиснул машину среди других четырех или пяти и стал ждать ее, подавшись вперед на своем кресле и усмехаясь, как влюбленный мальчишка. Он смотрел на входную дверь, как на рождественскую елку.

---

²¹ *Джордж-сквер* – центральная площадь Глазго, названная в честь короля Георга III, основавшего ее в 1781 году. – *Прим. ред.*

Четыре

Они оба, все еще мокрые, сидели на краешке кровати, когда включили уличное освещение. Агнес наполнила для Шагги ванну, а потом, испытывая приступ одиночества, забралась туда же к своему младшенькому. Лиззи с ума бы сошла, если бы увидела. Это так или иначе вскоре придется прекратить, потому что он был слишком уж ушлый для пятилетнего мальчишки. Он недавно в первый раз обратил внимание на интимные части ее тела, а потом посмотрел на собственные, как на картинке «найди различия».

Ванна остыла, пока они баловались: наполняли водой флаконы от шампуня, а потом поливали друг друга пенистыми струями. Она позволила ему соскребать старую краску с ее ногтей на пальцах ног, его забота и внимание были для нее как монетка в один пенс, брошенная в пустой счетчик.

Сидя на краешке кровати, она расчесывала черные глянцевые волосы мальчика, а тот сидел, сосредоточенно опустив голову. Моделька машинки в его руках с визгом преодолевала рытвины на раздербаненных простынях, потом поднялась на ее голую ногу с такой легкостью, будто это был склон одного из Кэмпсийских холмов²². Не понимая, на что он смотрит, Шагги проехал по оставленным ногтями его отца шрамам на внутренней стороне ее бедра. Потом машинка наклонилась и рухнула назад на простыни. Покрышки громко взвизгнули, и мальчик посмотрел на нее и улыбнулся довольной отцовской улыбкой.

Агнес достала невскрытую банку лагера из тайничка и аккуратно потянула за колечко. Сняла капельку пива с крышки рачительным пальцем, облинула его. Мальчику она дала пустую банку из-под лагера «Теннентс»²³. Ему всегда нравились фотографии полуобнаженных красавиц сбоку на банке. Эту красавицу он разглядывал с особым интересом – он видел ее в первый раз, и ему нравилось, как звучит ее имя, если произносить его медленно, как учил дедушка Вулли. Шиии-наа.

Шагги коллекционировал пустые банки, собирал их по всему дому и выстраивал женщин на кромке ванны. Он гладил их волосы, они у него вели вымышленные беседы друг с дружкой, произносили монологи главным образом о том, как заказать новые туфли по каталогу, и о шляющихся мужьях. Большой Шаг как-то раз застал Маленького за этим занятием. Он с гордостью наблюдал, как Шагги выстроил своих женщин и произносил их имена. Потом он хвастался на парковках другим водителям. «Ты представь – ему ведь всего пять! – говорил он. – Моя порода, а?» Агнес с печалью смотрела на эти игры, зная, что происходит на самом деле.

Позднее в ту неделю она взяла Шагги в БХС²⁴ и купила ему куклу. Дафна была пухлощечкой малявкой с пышной прической, популярной среди домохозяек в пятидесятые годы. Шагги куклолка понравилась. Получив ее, он выкинул своих баночных женщин в мусорное ведро.

Шагги спокойно наблюдал за матерью. Он всегда наблюдал. Она всех троих воспитывала по одному лекалу, все ее дети были внимательными и настороженными, как тюремные охранники.

– А как насчет лёгкой развлекушки? – спросил он, подражая какому-то идиоту из телика. Агнес передернуло. Пальцами с накрашенными ногтями она сдавила его щеки.

– Насчет, – поправила она его. – На-счет.

Ему нравилось чувствовать прикосновения ее пальцев к своему лицу, и он чуть-чуть наклонил голову, поддразнивая ее:

²² *Кэмпсийские холмы* – гряда вулканических холмов, расположенных к северу от Глазго, по большей части пологих. – Прим. ред.

²³ «*Теннентс*» был первым лагерем, сваренным на территории Шотландии, что впоследствии и повлияло на ошеломительный успех этого пива у шотландцев. – Прим. ред.

²⁴ *British Home Stores* – название сети универмагов, ликвидированной в 2016 г.

– Нащот.

Агнес нахмурилась. Она сунул свой указательный палец ему в рот, зацепила его нижние зубы, легонько опустила подбородок.

– Нет никакой нужды опускаться до их уровня, Хью. Попробуй еще раз.

С ее пальцем во рту Шагги произнес слово правильно, хотя и не слишком внятно. Все звуки были в нем верные, как ей нравилось. Агнесса одобрительно кивнула и вынула палец из его рта.

– Значит ли это, что поросенок спросоннок рисоет рисонок?

Он захихикал, даже не договорив своей дерзкой белиберды. Агнес присела на корточки, делая вид, что сейчас бросится на него, а он, взвизгнув от счастья и напускного ужаса, принялся скакать вокруг кровати.

Рядом с будильником, встроенным в магнитофон, стояла стопка кассет. Он принялся бросать их на пол и, наконец, нашел ту, которую искал. Будильник ей купил Шаг. Он сэкономил талоны на бензин, связал их резинкой и вручил ей, словно золотой слиток. Кассетоприемник открывался пластмассовой кнопкой. Шагги вставил кассету в магнитофон и со скрипом перемотал ее в начало. Звук у динамика был дребезжащий и глухой, но она не обращала на это внимания. С музыкой комната не казалась такой пустой. Шагги стоял на кровати и обнимал ее за плечи. Они некоторое время покачивались из стороны в сторону. Она поцеловала его в нос. Он поцеловал ее в нос.

Когда песня кончилась, Шагги увидел, как его мать, схватив банку с пивом и прижав ее к груди, принялась кружиться по комнате. Агнес сощурилась и вернулась в те края, где она была молодой, подававшей надежды и желанной. Назад в Бэрроуленд²⁵, где незнакомые мужчины в танцевальном зале провожали ее голодным взглядом, а женщины завистливо опускали глаза. Ладонью с растопыренными на манер прекрасного веера пальцами она провела по своему телу. Над бедрами она прошлась по упрямой складке жира – роды оставили на ней следы. Вдруг ее глаза раскрылись, и она вернулась из прошлого в настоящее, чувствуя себя гадкой, глупой и неповоротливой.

– Ненавижу эти обои. Ненавижу эти занавески, и эту кровать, и этот ебанный ночник.

Шагги поднялся, встал в носочках на мягкой кровати. Он снова обнял ее за плечи и попытался прижаться к ней, но на сей раз она оттолкнула его.

В маленькой квартире никогда не было тихо. Сквозь слишком тонкие стены всегда доносились бормотание телика, включенного на полную громкость, чтобы было слышно ее отцу. Тихие жалобы Кэтрин в трубку телефона, который она утаскивала в спальню. Телефонный провод повредил снизу облицовку двери, пока она ходила туда-сюда и сетовала на обиды, накопившиеся к семнадцати годам. На шестнадцатом этаже со всех сторон их окружали соседи, здесь всегда гуляли ветра, грохоча плохо подогнанными окнами.

Агнес обхватила голову руками. Она слышала взрывы смеха из родительской комнаты – по телевизору показывали какого-то женоподобного английского комика. Двоих ее старших не было дома – шлялись бог знает где. Теперь их, казалось, никогда не бывает дома, они уврачивались от ее поцелуев, закатывали глаза при каждом ее слове. Она заставила себя не слышать легкого дыхания Шагги, и на мгновение ей показалось, что она не замужняя женщина под сорок с тремя детьми. Она снова Агнес Кэмпбелл, торчит в своей спальне, слушая, что происходит в комнате родителей за стеной.

– Станцуй для меня, – сказала она вдруг. – Давай устроим маленькую вечеринку. – Она нажала на кнопку магнитофона, новая кассета с визгом встала на свое место, медленная тоскливая музыка ускорила до более счастливой.

---

²⁵ Название комплекса в Глазго, где размещались танцевальный и концертный залы.

Шагги поднял ее банку с лагером, поднес к губам, словно внутри был некий волшебный сок. Поморщился от горького овсяного вкуса, в котором чувствовались и шипучка, и молоко, и каша одновременно. Он начал танцевать для нее, щелкая пальцами и не попадая в ритм с музыкой. Когда она рассмеялась, он стал танцевать старательнее. Он повторял все, что вызывало у нее смех, по десять раз, пока искренняя улыбка на ее лице не превратилась в натянутую и фальшивую. Тогда он принялся искать новое движение, чтобы порадовать ее. Он подпрыгивал и раскидывал руки, а она смеялась и хлопала. Чем счастливее она выглядела, тем больше ему хотелось кружиться и махать руками. От пляски узоров на обоях перед его глазами Шагги чуть ли не тошнило, но он продолжал трясти бедрами и молотить воздух руками. Агнес закидывала голову в приступах смеха, печаль исчезла из ее глаз. Шагги щелкал пальцами, как крутой парень, и выставлял вперед лоб, по-прежнему не попадая в такт. Это не имело значения.

Они оба держались за животы от смеха, когда услышали этот звук.

Входная дверь в коридоре открылась и закрылась. Скорее даже они не услышали звук, а почувствовали ветерок и сжимающееся пространство. Тяжелые шаги по ковру медленно приблизились к двери спальни. Агнес собрала пустые банки из-под лагера, спрятала за дальней стороной кровати. Она повернула перстни на пальцах вверх и, уставившись в ожидании на дверь, испробовала свою самую непринужденную улыбку. Тяжелые шаги остановились. Агнес и Шагги услышали тихое позвякивание монеток в кармане брюк. Потом раздался тихий вздох, и шаги проследовали по коридору в гостиную. Он вернулся домой на первый обеденный перебив. Это время они должны были проводить вместе. А теперь она услышала, как Шагг поздоровался с родителями своим равнодушным, без малейшего тепла голосом. Агнес знала – вот ее отец поднимает голову и улыбается, экран телевизора отражается в его очках. Вот он встает и предлагает Шаггу свое удобное кресло. Вот они оба принимаются кружить вокруг этого кресла, словно в нескладной игре «Музыкальные стулья»²⁶, но вот наконец Шагг кладет руку на плечо Вулли и опускает его в кресло. Вот Лиззи с каменным лицом поднимается вскипятить чайник и дрожит, будто в комнату пришел не Шагг, а заявился сам холодный местный ветер с Кэмпсидских холмов.

Агнес слушала все это через стену. Потом она одним движением схватила кремы и пузырьки с парфюмерией со своего столика и швырнула их через всю комнату. Приевшийся ей ночник валялся разбитый на боку. Оголившаяся лампа своим светом так исказила ее черты, что Шагги перепугался. Все в одно мгновение встало с ног на голову.

Агнес опустилась на край кровати. Шагги почувствовал, что ее банка с пивом пролилась на матрас, потому что его носочки стали намокать. Она, зарывшись лицом в его волосы, рыдала сухими горькими слезами, ее влажное дыхание неприятно холодило его шею. Упав на кровать, она притянула и прижала его к себе, и он увидел ее перекошенное лицо, тушь, размазанную по щекам. Мать выглядела так же, как иногда красотки с банок лагера – отвлекся печатник, съехал трафарет, и женщина внезапно оказывалась жуткой смесью разных слоев печати.

Агнес потянулась поперек матраса к сигаретам, закурила, шумно затащила, отчего кончик сигареты разгорелся, запылал медным цветом. Она несколько мгновений смотрела на огонек, а потом надтреснутым от жалости к самой себе – «ах, бедная я, несчастная» – голосом принялась подпевать песне на кассете. Ее правая рука изящно вытянулась, она поднесла горящую сигарету к занавеске. Шагги смотрел, как материя сначала принялась тлеть, а потом пошла серым дымком. Он весь сжался, когда дымок взорвался оранжевым пламенем.

Агнес свободной рукой подтянула его ближе к себе.

– Шш-ш-ш. Будь большим мальчиком для мамочки.

---

²⁶ Суть игры в том, что участники под музыку медленно бегут вокруг стульев, число которых на единицу меньше числа участников. Как только музыка смолкает, участники должны сесть на стулья. Тот, кто не успел, выбывает из игры и уносит с собой стул. Игра продолжается до тех пор, пока не останется один стул и два участника, один из них становится победителем, если успевает сесть на стул раньше другого.

Ее глаза смотрели с абсолютным спокойствием.

Комната обрела золотистый оттенок. Огонь стал пробираться по синтетическим занавескам к потолку. Черный дым взметнулся вверх, словно убегая от прожорливого огня. Шагги был готов испугаться, но его мать оставалась совершенно безмятежной, к тому же эта комната никогда не была такой красивой, как сейчас, когда огонь отбрасывал пляшущие тени на стены, и обои с огуречным рисунком ожили, будто тысяча дымчатых рыб. Агнес вцепилась в него, и они теперь вместе молча созерцали эту новую красоту.

Занавески почти исчезли, с них капало на ковер, как с мороженого. Загорелись отслоившиеся от сырости обои у окна, пластиковый карниз расплавился, разделился на две части, которые свесились, как рухнувший мост. Большая капля пузырящихся занавесок шлепнулась на угол кровати, и Шагги с матерью окутал дым. Мальчик снова начал ерзать. Он не мог унять кашель. Темный кашель, липкий и горький, как будто ему в рот снова попали чернила из шариковой ручки Лиззи. Агнес так и не шелохнулась, она только закрыла глаза и запела свою печальную песню.

Большой Шаг стоял в темноте дверного проема. Когда в комнату попала новая порция кислорода, пламя побежало к Шагу по потолку. Он бросился к кровати и в одно мгновение открыл окно. Голыми руками он выкинул горящее синтетическое полотно вниз. Он подхватил с пола самые крупные куски расплавленной магмы и выбросил их следом за горячей тканью. Он внезапно исчез, и Шагги закричал, уверенный, что отец оставил их одних.

Когда Шаг вернулся, в руках у него были мокрые банные полотенца. С них брызгами разлеталась вонючая вода каждый раз, когда они обрушивались на источник огня, и пламя под ними умирало. Шаг повернулся к кровати и принялся хлопать влажными полотенцами по переплетшимся телам. Шагги старался не плакать, когда эти удары обжигали его кожу. Агнес лежала неподвижно с закрытыми глазами.

Когда погас последний язычок пламени, Шаг отвернулся от жены и сына. Глаза у Шагги жгло от дыма, но он заметил, что плечи отца сотрясаются от ярости, а когда тот все же повернулся, Шагги увидел, что его лицо покраснелось от жара, а пальцы скрючились и побагровели в местах ожогов.

Лиззи и Вулли стояли в темноте коридора. Шаг выхватил сына из-под руки Агнес и сунул в объятия Лиззи. Агнес лежала на кровати неподвижная и безжизненная, а когда Шаг ущипнул ее за щеку, рот у нее раскрылся и лицо обрело какое-то рыбье выражение. Шаг нагнулся, резко встряхнул ее, принялся снова и снова называть ее имя, пока уголки его рта не заполнились слюной.

Все это было бесполезно.

Он посмотрел на Лиззи, прижимавшую мальчика к себе. Вулли завел свою толстую мозолистую руку под очки, слезы уже стекали по его щекам. Шаг посмотрел на жену, на ее безжизненное тело. В комнате стояла тишина. Никто не знал, что сказать.

Агнес не доверяла тишине.

Она открыла один глаз, зрачок был темный и широкий, но смотрел сосредоточенно и разумно. Она сунула в рот измятую сигарету.

– Где ты был, блядь?

Пять

Центр города был набит оранжистами²⁷. Со своими флейтами, дудками и барабанами они шли от памятника погибшим солдатам на Джордж-сквер через весь город к Глазго-Грин²⁸. Кэтрин из окон офиса смотрела на знамена и ленты различных лож братства. Сначала протестанты пели в поддержку короля Билли²⁹, а потом, когда открылись пабы, они на какой-то, неизвестный Кэтрин мотивчик и вряд ли знакомый самим певцам, принялись вопить: «Ну что, кишка тонка, фенианские³⁰ ублюдки?»

Полицейские в светоотражательных жилетах весь день просидели на нервничающих лошадях. Теперь, когда марш закончился, молодые люди собирались в группы и пели агрессивные песни, словно исполненные ненависти христославы. Они кричали на проходивших мимо молодых девушек и преследовали любого мужчину, появившегося на улице в одежде не того цвета.

Кэтрин сколько могла оставалась в офисе, надеясь, что к вечеру волна ненависти спадет. Она постояла на улице у дверей здания из песчаника, ругая себя за то, что надела свое новое пальто изумрудно-зеленого цвета и замшевые сапожки на высоком каблуке. Она в душе проклинала этот вызов на рабочее место в оранжистскую субботу, когда дождевые тучи заволокли июльское небо. Она вовсе не так уж хорошо разбиралась в арифметике, но мистер Камерон настаивал на том, чтобы, когда приходит он, она тоже присутствовала на работе и отвечала на телефонные звонки, хотя телефон никогда не звонил, и готовила ему чай, хотя он никогда его не пил.

Для первой работы ее нынешняя была не такой уж плохой, как утверждал ее отчим Шаг, в особенности для беспшабашной вчерашней школьницы, чьи мозги заняты только парнями и тряпками. Кредитование было скучным занятием, но ей нравилось, когда все точно организовано и приведено в порядок. Ей нравилось смотреть на аккуратные пометки красной ручкой в конце каждой страницы бухгалтерской книги, проверенные, неоспоримые и истинные. В некотором роде она унаследовала это от Агнес – свою склонность к аккуратизму, этот острый глаз касательно всего, что у тебя есть и сколько ты можешь потратить.

Работа ее устраивала, к тому же у начальника был сын, высокий, красивый парень, и Кэтрин, пробираясь домой, позволила себе помечтать о младшем Камероне. В кинотеатре Кэмпбелл Камерон превращался в сплошные нахальные ручки, как грязный осьминог. Даже самые нежные его прикосновения казались самоуверенными и требовательными.

Бабушка как-то отвела ее в сторону и сказала, что она безголовая девчонка и должна выйти замуж за Симуса Келли. Лиззи рассказала, как она вышла за своего хорошего католического мальчика, как он служил ей надежной опорой больше сорока лет при всех напастях. Игнорировать советы бабушки не составляло труда. В конечном счете Лиззи, сколько себя помнила Кэтрин, купила только два новых канapé, а брак должен быть чем-то бóльшим, чем потрескавшаяся кожа на ладонях и опухшие колени. Лиззи так или иначе не было нужды беспокоиться о молодом Камероне. Отчим Кэтрин настойчиво навязывал ей своего племянника Дональда-младшего.

---

²⁷ *Оранжисты* – члены протестантского ордена, существующего в Северной Ирландии и Шотландии.

²⁸ *Глазго-Грин* – старейший парк Глазго, расположенный на северном берегу реки Клайд.

²⁹ Имеется в виду Вильгельм III, принц Оранский (1650–1702) – с 1689 г. король Англии и Шотландии. Протестанты небезосновательно называют его защитником протестантской веры.

³⁰ *Фениши* (от др. ирл. *Fíán* – военная дружина древних ирландцев) – ирландские революционеры-республиканцы, члены тайных организаций Ирландского республиканского братства. Сегодня фениями уничижительно называют шотландских католиков.

Когда она впервые увидела своего сводного кузена, ее втайне привела в восторг его манера держаться, умение чувствовать себя как дома в их маленькой гостиной. Дональд-младший сидел, уверенный в себе, широко расставив ноги, занимал больше пространства, чем следовало, и без малейшей скромности говорил о себе. Ей понравилось, как он ей намекнул, что его личность важнее ее личности. Именно так эти протестантские собаки и выставляли себя всегда, демонстрируя, как их любят, как хорошо кормят, как вертится вокруг них вся семья. Они были гордостью матерей, даже если покрывали себя позором и выставляли напоказ свои недостатки, и Дональд-младший, казалось, был полностью свободен от совести или обязанностей. Он выставлял себя золотым мальчиком, хотя на самом деле скорее был всего лишь наивно и очевидно розовым.

Кэтрин нравилось смотреть, как он ест. Она была шокирована его предпочтением ягнячьего топленого жира щам, а еще его уверенностью в том, что в его тарелке со стовисом³¹ всегда будут три целые сосиски. Он съел все и, протянув тарелку Лиззи, попросил добавки. Ну и как же она могла сказать своей маленькой бабушке, что будет счастлива заполучить этого типа себе в мужа? Все знали, что он охмурил десятки девчонок, пока она делила спальню с двумя братьями. Дональду-младшему не приходилось отдавать часть жалованья матери. Ему не нужно было ни за что чувствовать себя благодарным или виноватым.

Не успели они познакомиться, как он попытался лишиться ее невинности. Кэтрин принялась читать ему лекцию о первом причастии, а он расхохотался, когда она серьезно сказала ему, что ищет брака. Племянничек пошел в дядюшку Шага. Она глубоко вонзила ногти в мякоть ладони и целомудренно отвергла его. Втайне ей нравился такой редкий дисбаланс сил, хотя она отчасти допускала, что именно по причине такого дисбаланса он бы и бросил ее. Но Дональд-младший не отвернулся от нее. Вместо этого он поговорил со своим дядюшкой Шагом и в день ее семнадцатилетия попросил ее руки. Сводный кузен сделал это на втором этаже автобуса, шедшего по Тронгейт-стрит³², – эффектная сцена, больше подходившая для него, чем для нее.

Дождь усилился, и Кэтрин в своих сапожках на высоком каблуке перешла на рысцу. Первые полосы вечерних газет взрывались черно-красными заголовками жутких историй, сопровождаемых сделанными в фотокабинах снимками изнасилованных и убитых в темных закутках города молодых женщин. Газеты писали, что жертвы были проститутками, и публиковали тенденциозные статьи о неблагополучной наркотической ситуации, которую им приходится освещать. Одна из молодых девушек была задушена и сброшена в неглубокую речушку рядом с шоссе. Убийца аккуратно сложил ее оскверненное тело и засунул в черный мешок для мусора. Она пролежала там несколько месяцев, пока какие-то ребята, собиравшиеся выкинуть мусор в неполюженном месте, не разорвали тот черный мешок и из него не выскользнула ее фиолетовая рука. До этого дня никто не сообщал о ее исчезновении. Вулли, прочтя эту историю, сочувственно пощелкал вставной челюстью, а Лиззи поинтересовалась, куда смотрела церковь.

Кэтрин в ужасе рассматривала фотографии мертвых девиц в газетах. Их впалые щеки и закатившиеся глаза контрастировали с прижизненными, сделанными в фотокабинах снимками на светло-оранжевом фоне. Убили молодую девушку, а наилучшая фотография, какую смогла предоставить для газеты ее семья, – из запасных копий, снятых для месячного проездного билета.

Темнота еще не наступила, когда она добралась до бетонированного двора высотки. В сумерках она увидела нескольких ребятишек, они стояли кружком и тыкали во что-то палками. Ребятишки были слишком юны, чтобы гулять в такое время, а на некоторых не было ни куртки, ни ботинок, несмотря на июльский дождь. Что-то во влажной груде привлекло ее внимание, что-то знакомое, но совсем здесь неуместное. Кэтрин пересекла двор в надежде, что это не

³¹ Национальное шотландское блюдо из баранины, картофеля, лука и различных приправ в бульоне.

³² *Тронгейт* – одна из старейших улиц Глазго. – *Прим. ред.*

очередная дохлая собака. Кто-то травил крысиным ядом всех бродячих животных Сайтхилла, считая, видимо, что это гуманнее, чем смотреть, как они мучаются во время течки.

На земле лежала влажная груда тлеющих занавесок с фиолетовым огуречным рисунком – точно такие же висели в спальне ее матери, – частично сгоревших и все еще дымящихся. Считая окна парами, она дошла до шестнадцатого этажа, увидела, что свет в квартире повсюду горит, а окна в этот поздний час широко распахнуты. Знак был плохой. Высока вероятность, что ее брата Лика нет дома. Если вечерние события развивались так, как она сейчас предполагала, то он за обедом понял, что ему светит, улизнул из дома и спрятался. Он это умел. Пока он помалкивал, никто его и не замечал. Но она должна его найти. Не может она одна предстать перед матерью.

Справа располагалась темная улочка с металлической оградой вокруг школы святого Стефана по правую сторону, а по левую – с сетчатым забором вдоль «Спринбернской мебели из палет». Улочка эта была известна как опасное место для прогулок: если ты вошел в нее, то выйти мог только на дальнем конце. Бандам это нравилось. На полпути к выходу по улочке шла пьяная пара, пробираясь через нанесенный ветром мусор, Кэтрин слышала шепоток женщины, дававшей грязные обещания старику. Она поспешила обогнать их, а потом пригнулась и пролезла в прореху сетчатого забора. Сетка зацепилась за ее волосы, и девушка запаниковала на мгновение, решив, что ее схватила эта парочка. Кэтрин дернулась, вырвала клочок волос, но, освободившись, упала навзничь в грязь. Вымокшая и скальпированная, она посмотрела на свои волосы, повисшие на сетке, словно мех животного, и подумала о том, как она отыграется на Лике.

На фабрике по переработке палет стояли тысячи кубов, составленных из тысяч синих упаковочных ящиков. Высота каждого куба составляла около тридцати футов, а ширина была не меньше, чем фундамент высотки. Бригадир расположил их так же, как располагаются высотки в жилых кварталах: десять – в ширину, десять – в глубину, оставив между ними пространство, достаточное для прохода тележки-роклы. Она рассчитала путь так, как неохотно научил ее Лик. Среди палет легко было заблудиться и днем, не говоря уже о ночи. Прожектора, установленные на стене склада, проливали слабый свет на эти деревянные улицы, тянущиеся с севера на юг, но стоило свернуть за угол, и ты оказывался в непроглядной темноте.

Когда она заметила оранжевые язычки, танцующие во мраке, было уже слишком поздно. Она попыталась свернуть, но влажные подошвы ее замшевых сапожек заскользили, и она съехала дальше в темноту. Сильные руки ухватили ее и потащили к рою светляков. Она хотела было закричать, но чья-то рука закрыла ей рот. Она почувствовала вкус никотина и клея, въевшийся в пальцы. Множество рук принялись обшаривать ее, ощупывать. Послышался вельветовый шелест – пара ног подошла к ней вплотную. Кэтрин почувствовала их прикосновение, она чувствовала мужское начало через тонкую материю узких брюк. Его распирало от притока крови и возбуждения.

Один из янтарных огоньков приблизился и зловеще засиял перед ее лицом.

– Тебе какого хуя надо? – спросил огонек.

– Сиськи такие – норм, – сказал огонек слева от нее. Все горящие светляки засмеялись и заплясали.

– Пощупать разрешает. – Она ощутила маленькую руку, чуть ли не женственную, которая потащила с нее блузку.

Серебристый свет пронзил темноту, и Кэтрин почувствовала щекой холодный металл. Грязная рука, закрывавшая ей рот, спустилась ниже – на горло. Серебристый нож для разделки рыбы прикоснулся к краю ее рта и слегка вдавился внутрь. Она почувствовала металлический привкус, как от грязной ложки.

– «Селтик» или «Рейнджерс»?

Кэтрин жалобно заскулила. Вопрос был неразрешимый: если она ответит неправильно, нож оставит на ее лице глазговскую улыбку, шрам от уха до уха, отметину на всю жизнь. Если она ответит правильно, то ее, вероятно, просто изнасилуют.

Много вечеров сидела Кэтрин на своей кровати, расчесывая длинные волосы и слушая, как Лик задает Шагги такие же дурацкие вопросы. Лик сажал младшего брата на пол, устраивался напротив него, придавливал к полу его короткие ноги своими долговязыми, потом подносил к его лицу сжатые в кулаки руки и спрашивал: «Кладбище или больница?» Каким будет ответ, не имело значения. Результат всегда был один и тот же. Ты получал то, что было на уме у этого более сильного сукина сына.

– Второй раз спрашивать не буду.

Разделочный нож звякнул о ее зубы, пробуя изнутри ее щеку. Из ее левого глаза выкатилась одинокая слезинка. Кэтрин подумала о пальцах в клее и выдавила из себя догадку:

– «Селтик»?

Человек разочарованно фыркнул.

– Фартовый ответ.

Он медленно вытащил нож из ее рта, получая удовольствие от выражения ужаса на лице девушки. Кэтрин засунула палец в рот, пощупала щеку изнутри, ощутила солоноватый вкус крови, но кожа, слава богу, осталась цела.

Яркий свет ударил ей в лицо, и она подалась назад, прямо на человека, который стоял у нее за спиной.

– Заебись! – сказал голос. – Это же сеструха крошки Лика.

Глазам потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету фонарика; она протянула к нему руку и направила луч вниз. Вокруг нее стояли только парни, младше нее и, вероятно, младше Лика. Они курили и ждали в темноте. Дома у них шла вечная война, и они искали случая привязаться к кому-нибудь или пырнуть ножом ночного сторожа.

Она выкинула перед собой руку и попала по владельцу серебряного ножа. Легче от этого не стало, поэтому она выкинула вперед другую руку и обрушила оба кулака на шею, голову и плечи пацана. Тот закрыл голову руками и улизнул, хохоча.

Кэтрин с отвращением протиснулась сквозь парней, пробежала мимо последнего блока палет. Быстрый и монотонный топот раздавался у нее за спиной. Она вцепилась пальцами в шершавые синие доски и со всей скоростью, на какую была способна, принялась подниматься по штабелю палет. Она почувствовала, как чья-то рука ухватила за один из ее новых сапожков, резко дернула его и освободила из зазора в палете. Ей потребовались все ее силы, чтобы удержаться на занозистом дереве. Она брыкнулась – послышался треск чьей-то толстой черепной кости. Подняв колено, Кэтрин нашла опору и стала карабкаться дальше, на самый верх башни.

Луч фонарика забрался ей под юбку, пытаясь найти ее клинышек. Они подначивали ее, их голоса набирали высоту, были готовы сорваться. Это был опасный звук, испускаемый маленькими мальчиками, опьяненными властью созревания. Она преодолела последние десять футов до верха, ей хотелось прилечь там ненадолго, перевести дыхание, но она заставила себя встать и дерзко посмотреть вниз. Их было пятеро, с рябыми лицами, первым пушком под носом. Они усмехались, глядя на нее, а старший засовывал указательный палец в дырку из двух пальцев другой руки. Кэтрин плюнула на них. У нее получилась широкая струя белой пены, и мальчишки завизжали, как дети, какими они и были, и бросились врассыпную, как крысята.

Стоя наверху штабеля палет, она смотрела на ровные поля ярко-синего дерева. Из-за парней внизу она сбилась со счета, но надеялась, что забралась на нужную башню. Лик без труда мог перепрыгнуть восемь футов, разделявшие два штабеля, но ей это было совершенно не по силам. В мокрых сапожках она наверняка поскользнется и упадет на землю. Ее пробрала

дрожь при мысли о том, что эта гопота сделает с ее телом, когда увидит ее лежащей внизу со сломанной шеей.

Кэтрин отсчитала четыре штабеля от ограды и еще пять – от поворота. Все верно – со счета она не сбилась. Обшаривая верхушку штабеля, она остановилась на палете, которая находилась приблизительно в четырех футах от юго-восточного угла. Оглянувшись через плечо, как ей было сказано, она наклонилась и подняла синюю палету, которая свободно лежала на других. Откуда-то изнутри пробивался мерцающий свет.

Кэтрин засунула голову в отверстие и прошипела имя брата по направлению слабого света: «Лик, Лик!» Ответа не последовало. Она прошипела еще раз, и вдруг мерцающий свет погас, и в дыре стало темно. Дождь капал с кончика ее носа, пока она вглядывалась в пустоту. Неожиданно из темноты возникло белое лицо с маленькими розовыми ушами.

– Бу!

Кэтрин отпрянула. Будь она поближе к краю, она непременно свалилась бы вниз. Она закашлялась и харкнула комком мокроты в белое лицо Лика.

– Ёбанарот!

– А ты какого хера меня пугаешь? – Кэтрин сдвинула колени и принялась искать голубые занозы на своих красных руках. Страх и стыд переполняли ее, а лицо заливали слезы бессилия.

Лик вытер рот рукавом свитера. Он неправильно истолковал ее плач.

– Перестань ты реветь из-за ерунды. Так ты идешь или нет? А то там дождь все замочит.

Кэтрин свесила ноги в дыру и принялась спускаться в берлогу брата. Лик закрыл вход незакрепленной палетой. Внутри стоял затхлый запах, как в открытой могиле, и было темно, как в гробу. Только-только Кэтрин осторожно вздохнула и уже собралась застонать, как Лик предупредил ее: «Не шуми и стой на месте», и зашаркал в кромешной тьме. Из самого дальнего угла донесся звон металла, и берлогу вдруг залил тусклый свет.

Кемпинговый фонарь отбрасывал длинные тени на стены этого подобия пещеры. Освобожденное пространство внутри штабеля палет своим размером раза в два превосходило их спальню, но потолок находился всего футах в шести от пола. Лик покрыл пол и стены обрезками выброшенных старых ковров и сплюснутыми картонными коробками. Через узкую дыру наверху он спустил сюда всевозможную отправленную на свалку мебель и сломанные кухонные стулья. Несколько палет стояли, как опорные столбы, а некоторые, стоявшие под углом и укрытые старыми пледами, представляли собой что-то вроде жестких диванов. На завешанных коврами стенах висели снимки обнаженных фотомоделей. Кто-то повесил здесь фотографию Мэгги Тэтчер, а другой шутник пририсовал венозный член, засунутый в ее рот, распахнутый в пламенной речи.

Кэтрин смотрела, как ее брат старается сделать свой дом удобным для нее. Она знала несколько сайтхиллских мальчишек постарше, которые уже несколько лет как обжили эти штабеля. После того как самые бешеные из них зарезали слишком любопытного ночного сторожа, их оставили в покое. Здесь было отличное место, чтобы напиться и нанюхаться клея в пакете. Большинству мальчишек помладше здесь нравилось просто потому, что сюда не дотягивались кулаки их отцов. Некоторые парни приводили девчонок, устраивали здесь постели из позаимствованных пальто и джемперов. Но постепенно, по мере того как хорошая репутация палетового убежища рушилась, девчонки перестали сюда приходить. Мальчишеские голоса ломались, их гормоны бушевали, а потому большинство из них покидали это место в погоне за сексуальными радостями. Палетовое обиталище пустело, становилось спокойнее. Теперь Лик мог проводить здесь в одиночестве все выходные.

Если Агнес напивалась в четверг, то Лик брал несколько банок с бобами и порошковый заварной крем с бабушкиной кухни и прятался здесь. Когда он возвращался вечером в воскресенье, они все смотрели телевизор. Агнес к тому времени становилась мягче и раскаивалась, алкогольный демон покидал ее. Она освобождала местечко на канаве, и он устраивался рядом,

наслаждаясь теплом и приятным запахом ее шампуня. Лиззи поглядывала на него со сдержанной улыбкой и спрашивала, неужели он все выходные провел в своей постели. Хорошо быть тихоней.

Не сказать, что он был маленький. К своему пятнадцатилетию он вытянулся выше шести футов. Лик с малолетства был тощим, а с возрастом стал еще более компактным и сухощавым. Волосы, как и телосложение, он унаследовал от своего давно забытого отца. Тонкие и пушистые, мышино-каштановые, они ниспадали ему на уши и глаза, серые и ясные, но всегда не особо щедрые на эмоции. Он давно довел до совершенства искусство смотреть сквозь человека, под любые разговоры погружаясь в свои сны наяву, пролетал через голову собеседника и дальше – в открытое окно.

Лик не транжирил свои эмоции, как и свое телосложение. От отца он унаследовал мягкость, спокойствие и задумчивость, склонность к уединению и замкнутости. Единственной физической уступкой матери был его нос, крупный, с горбинкой, слишком бросающийся в глаза, чтобы называться римским. Он нарушал линию его мягкой, скромной челки и сидел на его лице, как гордый памятник его ирландским католическим предкам. Агнес получила свой нос от Вулли, а Вулли нос достался от отца, который вынес его из графства Донегол³³. Этот нос не обошел никого, он преследовал всех мужчин и женщин по линии Кэмпбеллов.

Берлога представляла собой покрытый коврами бастион, чисто мальчишеское творение. Здесь пахло пивом, клеем и спермой, и Кэтрин не увидела в этом обиталище ничего привлекательного. Она обошла помещение, морщась при виде беспорядка и консервных банок с недоенным содержимым. Она отерла слезы с лица, шмыгнула носом.

– Ты давно здесь торчишь?

– Не знаю, – ответил он, доставая из заплесневелой груды в углу найденное на помойке пальто. – Она к ланчу дохлебала остатки виски, подаренного на крещение.

Он протянул ей сухое пальто. Кэтрин сняла свое хорошее зеленое, надела мужское из харрисовского твида³⁴. Оно пахло ланолином и пбтом, но хрустящая сухость грубой шерсти была приятна на ощупь. Лик достал с полки над фотографиями девиц старую коробку из-под печенья и протянул ей. Они сели на самодельный диван. Он нежно обнял ее за плечи, забрался к ней под пальто – каждому досталось по рукаву, и они в таком виде устроились, прижавшись друг к другу.

Кэтрин вытащила из коробки кусочек торта. Она почувствовала вкус тростникового сахара в сиропе, который так любила ее бабушка, и ей сразу стало лучше.

– Я сегодня ничего не ела. Некого было посадить на телефон, и мистер Камерон обещал принести мне сэндвич, когда вернется с ланча. Но не принес. А я, понимаешь, не хотела ему напоминать, чтобы он не знал, как задел мои чувства.

– Чувства для слабаков, – проговорил он таким ненавистным для Кэтрин голосом дэлека³⁵.

Кэтрин высунула голову из воротника и холодно посмотрела на него.

– Игра в прятки для трусов.

Длинные застенчивые ресницы опустились на его порозовевшие щеки. Он с самого детства был таким ранимым мальчиком – обидеть его ничего не стоило. Кэтрин снова засунула руку под ткань плесневелого пальто, обняла брата, почувствовала его ребра под школьным джемпером.

---

³³ *Донегол* – графство на севере Ирландии в составе провинции Ольстер.

³⁴ *Харрисовский твид* – единственная ткань, находящаяся под защитой британского законодательства. Харрис-твид жители Внешних Гебридских островов Шотландии изготавливают вручную. – *Прим. ред.*

³⁵ *Дэлеку* – веземная раса мутантов из британского научно-фантастического телесериала «Доктор Кто» (1963 г.).

– Извини, Лик. Столько страхов натерпелась, пока тебя нашла. Я промокла, перепугалась до смерти, и мои новые сапожки погибли.

– Сюда нельзя надевать ничего нового.

Она притянула его к себе, своего брата, который был на два года младше нее и уже на фут выше. Она зарылась влажной макушкой под его широкий подбородок и позволила себе тихонько поплакать, постаралась выпустить из себя злость на гопников с их ножом для разделки рыбы.

– Ты здесь весь день прятался?

– Ну. – Его вздох прошел по ней. – Я тебе говорил. Она проснулась, и я уже за мультиками почувствовал: что-то будет. Ее так трясло – просто ужас, и она попросила меня приглядеть за малявкой, пока она сходит в магазин... – Он замолчал.

Она знала: брат смотрит перед собой в никуда.

– Она напилась в пабе?

Его глаза снова остекленели.

– Нет. Я... я так не считаю. У нее был виски, потом, думаю, она прикупила где-то еще и хлебнула в лифте, когда возвращалась.

– Ну да – на такой высоте *ужасно* сухо. – Кэтрин облизала липкие пальцы, положила коробку.

– Да, она, похоже, помирала от жажды, – печально сказал он. Они надолго замолчали. Лик снял верхнюю фарфоровую челюсть и потрогал себя за щеку, словно искусственные зубы натирали ее. Агнес, которую достали постоянные походы к дантисту, убедила его к пятинадцатилетию удалить его слабые и начиненные алюминиевыми пломбами зубы.

– Что – все еще болит? – спросила Кэтрин, радуясь тому, что ее зубы оставались на месте.

– Да. – Он снял слюну с протеза и вернул его в рот.

– Прости, Лик, я жалею, что оставила тебя сегодня. – Она нежно поцеловала брата в щеку. Эти нежности зашли слишком уж далеко. Он обхватил ее лицо руками и отвернул в сторону.

– Отстань от меня, уродина. И потом – никогда меня не жалея. Меня уже достало расстраиваться из-за этого говна.

Лик расстегнул мешковатое пальто и вылез из него на холод. Он натянул рукава школьного свитера на пальцы и стер с лица поцелуй сестры.

Глядя на него, Кэтрин подумала, что Лик, если бы не его крупный кэмпбелловский нос, выглядел бы сейчас как двенадцатилетний парнишка. Она смотрела на его длинные пальцы, изящные и тонкие, как у часовщика, эти пальцы все время теребили нос, постоянно проходили по всей его длине, досаждали ему, измеряли его, а потом ему сочувствовали. Он убрал руку от носа.

– Перестань пялиться.

Лик вышел из освещенной части берлоги в темноту.

Кэтрин подобрала черный альбом для набросков. Лик снова вернулся к рисованию. Она листала страницы с замысловатыми эскизами красоток в бикини, расположившихся на капоте мускулистого «Феррари» или оседлавших крылатых виверн³⁶. Рисунки Лика были не хуже, чем обложки рок-альбомов: прекрасно переданный мир стыдливой фантазии. Мускулы, сухожилия и обнаженные красотки в конечном счете сменились точными, по линейке вычерченными архитектурными планами и зарисовками деревянных изделий, техническими чертежами футуристических зданий и более мелкими, детализированными изображениями проигрывате-

---

³⁶ *Виверна* – мифологическое существо, во многом сходное с драконом, но, в отличие от геральдического дракона, имеющее одну пару лап и одну пару крыльев. – *Прим. ред.*

лей, а на одном рисунке она увидела самодельный мольберт. Она не помнила такой минуты, когда бы брат не держал карандаш в руке.

Она гордо улыбалась про себя, когда Лик возник из темноты и выхватил альбом из ее рук.

– Я что-то не вижу, чтобы на альбоме было твое странное имя.

Он задрал джемпер и засунул альбом под ремень джинсов.

– Лик, я думаю, ты очень талантливый.

Он презрительно фыркнул, высунув язык, и снова исчез в темноте.

– Я серьезно. Ты станешь блестящим художником, а я выйду замуж, и, мы оба прекрасно понимаем, что дадим деру из этой помойки к чертовой матери.

Из темноты раздалось шипение.

– Иди в жопу. Я знаю, ты собираешься меня бросить. Видел я, как ты строила глазки этому оранжистскому хую. Я знаю, ты хочешь бросить меня, чтобы я один на один с нею разбирался.

– Лик, ты можешь выйти на свет, чтобы я тебя видела?

– Нет, мне здесь нравится.

Кэтрин вытерла волосы рукавом пальто и задумалась на секунду. Она все еще боролась со страхом, который поселили в ней гопники.

– Жаль, я пришла сюда, чтобы раздеться и для тебя сразиться с гигантской крылатой змеей.

Он вышел из темноты, качая головой.

– Можешь не беспокоиться. Я предпочитаю рисовать сиськи побольше.

Кэтрин передернуло, но она сказала:

– Включи воображение.

– У меня нет достаточно тонкого карандаша, чтобы передать их замысловатую мини-а-тюр-иа-затив-ность.

Они сердито посмотрели друг на друга с серьезными выражениями на лицах. Кэтрин первая скривилась и сделала вид, что ее сейчас вырвет на старое мужское пальто. Лик сделал то же самое, и вскоре они уже оба плавали в луже воображаемой блевотины. Кэтрин увидела, как робкая улыбка вернулась на лицо брата, и пожалела о том, что теперь это случается так редко. Лик заметил ее испытующий взгляд и сказал:

– Чо уставилась-то?

Кэтрин попыталась смягчить выражение своего лица, чтобы не прогнать брата назад в тень.

– Так что, мамуля была в агрессивном настроении или скорее в плаксивом, когда ты ушел?

Он пожал плечами.

– Висела весь день на телефоне, искала Шага. Я сразу понял, что это может плохо кончиться.

– Почему?

– Она пила так, словно хотела оказаться где-то в другом месте.

– Шумела?

Он отрицательно покачал головой.

– Скорее грустила, чем шумела.

Кэтрин вздохнула.

– Бля. Нам нужно вернуться домой. Кажется, там случилась какая-то фишня.

– Нет уж. Я спер достаточно еды, чтобы остаться на ночь.

Он уже наполовину скрылся в темноте.

– Ты простудишься и помрешь.

– Вот и хорошо.

– Ну же, Лик. Ты староват для игры в домики.

Это было подло с ее стороны, и она знала, что не возьмет верх, если будет продолжать в таком духе. Природа наградила ее братца легендарным упрямством, он мог смотреть на тебя и не видеть, оставлял вместо себя одну оболочку – склеивай ее сколько хочешь. Кэтрин не хотела встречаться с матерью один на один. Она не хотела возвращаться домой в темноте без брата.

– Пожалуйста. Я за тобой пришла. Даром, что ли, твои дружки-токсикоманы ко мне под юбку заглядывали. – Она жалостливо прикусила губу. – У них рыбный нож, Лик. Они меня за сиськи хватали.

Тут Лик страшно разозлился. Внезапная сила этих его вспышек ярости всегда пугала ее и втайне доставляла удовольствие. Они всегда приходили незаметно и проявлялись грубо, и малейшее оскорбление могло превратить медвежьи шутки в медвежью ярость.

– Пожалуйста.

Ее руки безвольно висели по бокам в утрированной беспомощности. Не в ее характере было давить на жалость.

Лик опять ушел в тень, но вернулся в своей куртке с капюшоном, со зловещим видом крутя в руке черенок садовой лопаты. Он погасил закопченный кемпинговый фонарь, и они стали тихо подниматься из пещеры на вершину штабеля. Лик накрыл лаз палетой, и они остановились, чтобы посмотреть на сверкающий внизу город. Он был прекрасен. Кэтрин подняла правую руку и указала в темноту за оранжевыми огнями города.

– Лик, видишь, что там? – спросила она.

Она показывала куда-то за линию пустоты на горизонте, черной, как само ничто. Он проследил, куда целит ее палец, и ответил:

– Неа.

– Да вон же, – сказала она, тыча пальцем, будто это могло помочь. – Ты смотри туда дальше – за Спрингберн и Деннистаун³⁷. Смотри за крайнюю границу города.

– Кэт! Оттого, что ты тычешь туда рукой, я не вижу лучше. Там тьма кромешная. Нет там ничего.

– Именно! – Она осознала это, прежде чем опустить палец и повернуться к высоте. – Я как-то случайно услышала слова Шага: он сказал, что именно туда мы и переезжаем.

---

³⁷ *Спрингберн* – центральный район на севере Глазго, населенный в основном семьями из рабочего класса. *Деннистаун* – скромный жилой район на территории Ист-Энда. – *Прим. ред.*

Шесть

Агнес большую часть ночи пролежала, борясь с приступами кашля и сплевывая мокроту. А теперь ей не давал покоя утренний свет, проникавший в комнату через незанавешенное окно. Она больше не могла не замечать влажного сквозняка, который гулял по комнате и охлаждал ее потное тело. Она открыла глаза и безнадежно оглядела спальню в поисках чего-нибудь, что могло бы устранить эту досадную неприятность. Ее глаза не ожидали увидеть черные полосы сажи. Она вскочила в панике, но тут же признала в обгоревшей спальне свою собственную. Словно страшная открытка из прошедшей ночи, ее отражение тарасилось на нее, полностью одетую, с разводами косметики на лице. Она посмотрела на подушку, на мокрое синее месиво, которое оставила после себя. Потом перевела взгляд на ту часть кровати, где обычно спал Шаг. Она была не расстелена.

Агнес опустила подбородок на грудь и постаралась вспомнить. Но верные образы никак не хотели возникать. Она провела рукой по своим черным кудрям, ощутила хрустящую хрупкость избыточного количества лака. Потом по привычке обхватила голову руками и резко вдавила ногти в кожу выше лба, почувствовав, как к ней приливает отравленная кровь. Ей стало лучше. Воспоминания о минувшей ночи стали звонить, словно церковный колокол, в ее черепной коробке.

Бум – вот малыш танцует на кровати.

Бум – вот пламя пожирает занавески.

Бум – вот Шаг крутит свое обручальное кольцо, а на его лице снова разочарование.

Агнес рухнула обратно в постель. Она всхлипнула от жалости к себе, но слез не было. Она вспоминала, как прижимала к себе маленького, когда пламя устремилось вверх по занавескам. Она отбросила это воспоминание и сказала себе, что больше не будет думать об этом, но чем настойчивее она отворачивалась, тем сильнее, будто ужасный цветок, расцветало пламя. Чувство вины, словно влага, проникло до самого ее нутра, и теперь она не знала, куда себя деть от стыда. Агнес поискала сигареты, чтобы смягчить больное горло, которое было таким же черным и липким, как взлетно-посадочная полоса в июле. В комнате не нашлось ни сигарет, ни спичек. За ней установили наблюдение. Это по крайней мере немного развеселило ее.

В коридоре стояла тишина. Вероятно, было уже довольно поздно, потому что дверь в комнату родителей стояла открытой, и она видела их аккуратно застеленную кровать. Она прошла в ванную без окон, закрыла дверь, села на унитаз. Подумала, не принять ли ей ванну, погрузиться на дно и ждать встречи с господом. В тазу лежали два мокрых полотенца, сильно почерневшие от огня. Она не могла заставить себя убрать их.

Агнес обхватила губами холодный металлический кран и сделала несколько глотков воды с запахом фторида, тяжело дыша, как измученная жаждой собака. Потом начала смывать с лица остатки косметики, ватный диск, которым она вытиралась, быстро почернел от сажи. Она открыла дверцу аптечки, оглядела полочку с лекарствами Вулли в поисках чего-нибудь, что помогло бы облегчить похмелье, но все болеутоляющие исчезли. Она взяла пузырек со сгустившимся сиропом от кашля, набрала полный рот, потом набрала еще раз.

Выйдя наконец в неосвещенный коридор, она долго приводила себя в порядок, примеряя в темноте всевозможные улыбки – слабую извиняющуюся, с опущенными глазами, взглядом из-под нахмуренных бровей с плотно сжатыми дрожащими губами. Примерила она и несколько непринужденных улыбок – таких, которые надеваешь, только что вернувшись из магазина. Примерила зубастую, сияющую улыбку во весь рот, дерзкий кивок, который говорит: «Ну и что? Идите в жопу». Если Шаг дома, то именно этой улыбкой она и воспользуется.

Вулли и Шагги сидели за круглым обеденным столом и ели яйца всмятку, макая в них ломтики поджаренных тостов. Несмотря на шестидесятилетнюю разницу в возрасте, они при-

жались друг к дружке в дальнем углу, как старые собутыльники. Лик полулежал задом наперед на канапе, закинув босые ноги на спинку, в руке он держал альбом для рисунков. Увидев мать, он встал и, не сказав ни слова, вежливо кивнул ей, как незнакомому человеку на улице.

Все окна были распахнуты, квартира выскоблена с хлоркой. Воздух в комнате стоял горьковатый и резкий. Вулли, увидев ее, тут же отвернулся к еде. Вероятно, он ходил на утреннюю мессу, его хороший костюм был аккуратно повешен на спинку стула. Он сидел в майке, его толстые руки от запястий до плеч покрывало выцветшее чернильное кружево татуировок – имена и названия мест, которые так и не забылись со времен Войны, имя смеющейся черноволосой девушки из Донегола и имя самой Агнес с датой ее рождения, вытатуированные великолепными изящными буквами.

– Ты пропустила мессу.

Агнес примерила несколько выражений лица и наконец остановилась на кающемся. Она услышала сопение из кухоньки.

– Шаг дома? – нервно спросила она, на ее фальшивом лице появилась ухмылка.

Вулли отрицательно покачал головой. Для него это было слишком: потасовка, пожар, рев малыша. Он сдвинул очки на нос и уставился на недоеденные яйца.

– Пожалуйста, не скалься, Агнес. Пожалуйста, не смотри на меня с такой улыбочкой.

Когда она вошла в комнату, ее сын, благослови его господь, засветился, как иллюминация в Блэкпуле. Шагги протянул к ней руки, вымазанные яйцом, на его голове красовалось, словно тюрбан, банное полотенце.

– Мамочка, Кэтрин меня обижала утром, она сказала, что я маменькин сынок. – Агнес взяла мальчика на руки, он прижался к ее ноющим костям, втиснул в нее жизнь. – Дедуля сказал, что я сегодня могу съесть три королевских пирожных.

– Хью, возвращайся поскорее за стол, доедай завтрак, а то не будет тебе никаких пирожных.

Вулли махнул рукой мальчику, и Шагги с недовольным «ууу» соскользнул на пол с рук матери. Дрожь в костях вернулась к ней. Прежде чем снова заговорить, ее отец сунул в рот Шагги полную ложку. Заговорил он размеренным голосом, стараясь не встречаться взглядами с дочерью.

– Я знаю, Агнес, это моя вина. Я знаю, ты такая, какая ты есть, из-за меня.

Агнес почувствовала раздражение. «Опять двадцать пять». Горло ее отчаянно нуждалось в сигарете.

– Выслушай меня. Знаю, я тебя баловал, когда нужно было пороть. Знаю, что я сентиментален, знаю, что мягок. Но ты и понятия не имеешь. Ни малейшего понятия, на что это было похоже. – Вулли провел своим огромным кулаком по губам. Он посмотрел на дверь кухоньки, словно кто-то оттуда нашептывал ему слова. – Нас было четырнадцать. Моя старушка мать не видела, чтобы кто-то из них получил от жизни то, чего не заработал своим трудом. Даже наш маленький Френсис с его кривыми ножками. Этому бедолаге пришлось сражаться и толкаться локтями, как и всем нам. И потому, когда твоя мама сказала, что у меня появишься ты, я молился о том, чтобы с тобой было по-другому. Я поклялся, что ты никогда не будешь знать нужду так, как довелось мне.

– Пап, прошу тебя, вовсе не обязательно... – «Куда подевались эти гребаные сигареты?»

Он хлопнул своими огрубевшими от труда ладонями, звук получился подобный удару грома.

– Неужели о меня всегда будут вытирать ноги в моем собственном доме?

Он был не из тех людей, кто привык повышать голос. Агнес захлопнула рот. Даже Лиззи перестала шмыгать носом на кухоньке. Природа наградила Вулли Кэмпбелла сложением, подходящим для погрузки мешков с зерном на баржи у причалов Клайда. Она как-то раз видела, как он в одиночку очистил паб от полудюжины дерзких ливерпульцев.

– Каждый день в четверть шестого ты выбегала на эту дорогу встречать меня, аккуратенькая, одетая с иголки. Я просил твою мать, чтобы ты у нас была чистенькой. А она мне часто говорила: «Вулли, а есть ли и в самом деле нужда в такой мороке?» Конечно, это единственное, о чем я ее когда-либо просил. Мужчине нужно гордиться своей семьей. Но теперь людей такие вещи не волнуют, верно? – Вулли сцепил татуированные пальцы от переполнявшей его ярости. – Я получал столько удовольствия от того, что всего лишь мог гордиться тобой. Я видел, люди мне завидовали. Торчали в окнах со своими кислыми физиономиями. Взрослые мужчины и женщины завидовали такой крохе, как ты, потому что ты могла жить достойной жизнью. Я только смеялся, когда они говорили, что это тебя погубит.

– Ты все правильно сделал, па. Я была счастлива.

– Правда? Тогда что с тобой случилось – почему ты так несчастна теперь? – Он втянул воздух сквозь зубы и положил на голову мальчика ладонь, под грузом которой шея Шагги, казалось, могла сломаться. В глазах Вулли стояли сентиментальные слезы, но смотрел он на дочь холодно, словно в первый раз толком разглядел, что она такое. – Так скажи мне, Агнес, я что – должен тебя выпороть?

Рука Агнес непроизвольно потянулась к горлу, она опасалась, что может рассмеяться.

– Папа! Мне тридцать девять лет!

– Так должен я выбить из тебя этого эгоистичного дьявола? – Он медленно поднялся из-за стола, его кулаки напоминали массивные ковши экскаваторов. – Я устал от того, что твои прихоти всегда на первом месте. Устал видеть, как ты сама себя губишь, устал от того, что сам и виноват в этом.

Агнес сделала шаг назад. Она больше не улыбалась.

– Ты ни в чем не виноват.

Вулли тихо закрыл дверь гостиной. Из шерстяных брюк он вытащил свой тяжелый рабочий ремень, на коже которого был вытеснен логотип Медоусайдского профсоюза, и тот всей своей тяжестью протащился по ковру.

– Что ж, может, это к лучшему.

Агнес выставила перед собой руки и стала пятиться к двери. Нагловатая ухмылка сошла с ее лица. Отец наступал на нее, а она отступала, пока не уперлась спиной в буфет гостиной, не услышала, как предупредительно звякнули фарфоровые статуэтки. Сын был теперь у ее ног, выглядывал из-за ее джинсов. Вулли накрутил ремень на руку, один раз, второй – чтобы надежнее удерживать.

– Убери от себя малыша подальше.

Она крепко прижала к себе Шагги. Вулли ухватил ее руку выше предплечья. Другой рукой он мягко, но уверенно отодвинул мальчика от ее ног. Потом он подвел Агнес к стулу, сел на него и уложил ее себе на колено.

Она не сопротивлялась, ни одной мольбы не сорвалось с ее губ.

– Господи Иисусе, прошу Тебя, дай мне силы, чтобы простить. – Ремень с громким хлопком опустился на ее мягкие ягодицы. Агнес не вскрикнула. Вулли снова поднял руку. – Я благодарю Тебя за то, что мое бремя никогда не было больше того, что я мог вынести. – Удар. – Даруй Агнес многие жизненные благодати. – Удар. – Уйми ее нужды. – Удар. – Дай ей немного покоя.

Агнес услышала рядом тихое шарканье, почувствовала прикосновение к своей левой руке. Почувствовала прохладные бескровные руки на своем потном загривке, ощутила нежные прикосновения матери. Лиззи опустилась на колени рядом с ней. Ее голос присоединился к молитве Вулли.

– Господи Иисусе, только через Твое прощение можем мы простить себя. – Удар.

После пожара Шаг ушел на ночную смену и второй раз на этой неделе не вернулся домой утром. Если не считать его брата Раскала Бейна и нескольких парней-таксистов, приятелей-мужчин у него почти не было. И все же Агнес знала, что есть миллион других мест, где он может находиться с превеликим удовольствием.

Она осторожно сидела на краю их кровати. Кожа на ногах сзади горела, словно ошпаренная ремнем Вулли, и она никак не могла сосредоточиться, складывая чистые носки Шага – один внутрь другого, чтобы полинявшая расцветка совпадала точно так, как ему нравилось. В чьих он сейчас объятиях? Она почувствовала, что бойцовский дух в ней снова набирает силу. Может быть, он совсем рядом – в соседнем квартале, с толстухой Рини?

Она должна выйти, должна появиться на людях.

Она достала из платяного шкафа один из раскладных шезлонгов, которые они брали с собой, когда жили в доме на колесах во время недельной ярмарки. Она вытащила и прополоскала в теплой воде свои зубы. В обтягивающих джинсах и новом черном бюстгальтере в качестве верха она вышла на площадку, дождалась пахнувшей мочой кабинки лифта. Спустившись с шестнадцатого этажа, она вздохнула с облегчением, увидев, что ее обгорелых занавесок нигде не видно.

Кроме затвердевшего собачьего говна и каких-то едва заметных подпалин, ничего примечательного во дворе она не заметила. Агнес порыскала на этажах многоэтажки – не стоит ли там такси Шага. Один раз она таки поймала его. Он должен был работать в дневную смену, а на самом деле трахал какую-то неизвестную ей бабенку. Он устраивал свои развратные оргии рядом с семейным домом – всего бетонированную дорожку пересечь. Агнес весь день каталась в лифте с ведром, наполненным спитым чаем и мочой. Она часами ждала на каждой площадке – вдруг откроется дверь и оттуда выйдет он, а прекратила свою охоту, только когда из открывшихся дверей вышла группка хорошеньких девочек, спешивших на улицу поиграть. Девочки мельком взглянули на нее и в испуге отказались входить в лифт с сумасшедшей теткой с шестнадцатого этажа.

Поначалу она думала, как это глупо со стороны Шага – так позорно подставляться. И только позднее, когда она обвинила его, Агнес поняла, что глупой оказалась сама. Она его не поймала на месте преступления. Он просто хотел, чтобы она все знала. Некоторые вещи не должны проходить мимо нее.

Белое солнце светило с небес. Над бетоном уже поднималась рябь утренней жары. На пустыре загорала Лиззи, лежа на старом одеяле животом вверх. Ее платье в цветочек было расстегнуто до груди и распахнуто, чтобы на всю катушку использовать такую редкость, как солнечный свет. Ее волосы были плотно накручены на светло-голубые папильотки и аккуратно замотаны клетчатым кухонным полотенцем. Она читала сегодняшнюю газету и сплетничала со стайкой таких же божьих одуванчиков, расположившихся на клочках травы. Другие женщины группкой сидели на кухонных стульях, чистили большие коричневые картофелины и кидали их в старый полиэтиленовый пакет.

Агнес села в свой шезлонг на почтительном отдалении от матери и ее шайки. Лиззи продолжала читать газету, и Агнес понимала, что наказана. Она пыталась сидеть под солнцем с беспечным видом, но ее глаза постоянно косились на Лиззи в надежде увидеть хотя бы малую толику сочувствия, чтобы облегчить одиночество в ее груди.

На стене над Лиззи появилось новое граффити. Оно выпрыгнуло из ее кудряшек, как «облачко» грязных мыслей: «Не стесняйся, мой дружок... Покажи свой пирожок». Лиззи это граффити могло казаться дружеской просьбой к скромнику-пекарю. Но Агнес понимала, что к чему, и не смогла сдержать смех.

Лиззи оскалилась на нее.

– Что тебе кажется таким смешным?

Она в первый раз открыла рот после благочестивой порки сегодня утром в гостиной, и Агнес несколько секунд взвешивала, чего ей хочется больше: то ли поощрить разговор, то ли пресечь его в зародыше.

– Ничего. Где мой мужичок?

Лиззи ответила со всем спартанским лаконизмом, на какой была способна:

– У пекаря, ест пирожное.

Агнес знала заведенный порядок. Днем в субботу и воскресенье Вулли с внуком проходили около полумили до магазинов – скудного ряда наполовину заколоченных витрин в сумрачной нише, куда, казалось, никогда не заглядывает солнце. Власти вытаскивали семьи из старых глазговских жилищ в этот район, который хотели сделать не похожим на другие, футуристическим, великолепно усовершенствованным. Но в реальности весь район получился слишком суровым, чересчур аскетичным, очень дешевым, ничем не лучше прежних их мест обитания.

Шагги, как послушный мальчик, стоял в пакистанском магазинчике, пока его дедуля покупал упаковку сладкого стаута и четвертинку виски – этого хватало, чтобы прожить субботний вечер и благополучно перейти в священный день отдохновения. Подрастающий мальчик давал Вулли и Имрану тему для разговора, пока алкоголь укладывался в пакеты. Таков был заведенный порядок – ни одному из них не позволялось признавать, что алкоголь переходит из рук в руки, иначе это испортило бы всю игру. Вулли в полутемной пекарне болтал с хорошенькими девушками, а Шагги жадными глазами поедая сладости. Шагги всегда выбирал одну и ту же ярко-розовую бисквитную пирамидку, покрытую красной и белой кокосовой стружкой, а сверху украшенную сахарной конфеткой. Домой он шел очень медленно в тени Вулли, наслаждаясь вкусом своей добычи.

Агнес посмотрела в направлении магазинов, но эту парочку там не увидела. Она поднялась и встала на краю пустыря в своем черном бюстгальтере, запрокинула голову и широко развела руки, чтобы ощутить своей бледной кожей солнечные иголки. Она поймала косой взгляд Лиззи. На пояснице у нее наливался лиловато-коричневый синяк. Именно это и привлекло внимание ее матери. Агнес провела окольцованными пальцами по следу, оставленному ремнем, и театрально поморщилась.

Лиззи гордо выпрямилась и прошипела:

– Да бога ради, прикройся.

Женщины, чистившие картошку, обменялись сочувственными взглядами, которые говорили о том, что они знают, почему синяки в браке встречаются чаще объятий. И не только у женщин. Уж кто-то, а Агнес об этом и так знала. Она в раздражении рухнула на свой шезлонг, отчего тот непристойно подпрыгнул, как детский хоппер³⁸, и в несколько прыжков подобрался к ее матери.

Агнес с наслаждением растянулась на нем, ее кожа начала обгорать, становясь светлорозовой. Она вытянула ногу и, как ребенок, поиграла с подолом желтого платья Лиззи, которая опустила газету и оттолкнула ногу Агнес.

– Ты ко мне не лезь с глупостями, – сказала она. – Еще имеешь наглость показывать мне свою физиономию сегодня утром. – Лиззи сняла полотенце со своих папильоток. Она раскрыла полиэтиленовый пакет, лежавший рядом с ней, и принялась распутывать волосы.

Агнес взяла материнскую расческу с длинными зубчиками и снова растянулась на своем липком шезлонге.

– У меня голова раскалывается.

Лиззи раскрутила одну папильотку, зажала заколку губами.

---

³⁸ *Хоппер* – резиновый мяч с ручками, которые позволяют сидеть на нем и не падать. Благодаря эластичным свойствам хопера на нем можно прыгать.

– Ах, бедняжка. Надеюсь, ты не ждешь от меня сочувствия.

– Ты должна была его остановить!

Теперь Лиззи краем глаза наблюдала за Агнес.

– Должна сказать, миледи, за сорок лет брака я ни разу не видела, чтобы твой отец в ярости поднял на кого-то руку. – Она повернулась к женщинам с картошкой. – Ты знаешь, Мейгрет, он такой кроткий, я думала, его через неделю привезут с этой треклятой войны мертвым.

– Ой, он такой превосходный человек, что верно, то верно, – дружно закивали картофельные женщины.

Лиззи снова развернулась к дочери.

– Я не хочу, чтобы ты трепала его доброе имя рядом со своим.

Агнес запустила зубья расчески в крашенный колтун.

– Я такая мерзкая?

– Мерзкая? – Лиззи презрительно фыркнула. – Ты знаешь, я тут сидела сама по себе, чтобы загореть чуток, так не дают покоя. Тут одной в магазин сбегать неохота, но не поленилась пройти по траве и спросить, как я тут держусь.

– Люди не должны совать нос в чужие дела.

– Я тебе говорю про Джанис Маккласки, она притащила ко мне своего сынка-дауна через все эти сорняки. Пришла и такая: «Я слышала, твоя Агнес не очень того. У нее какие-то проблемочки?» – Костяшки пальцев, в которых Лиззи сжимала заколку, побелели от негодования. – Я сижу здесь с расстегнутым до самых моих красот платьем, а эта парочка идиотов глазеет на меня.

– Ма, не обращай на них внимания.

– Ублюдки! «Не очень того!» – Ее руки терзали воображаемых оскорбителей. Лиззи шумно выдохнула, и ее ярость сменилась выражением усталого фиаско. – Я ничем не заслужила, чтобы мне так выкручивали руки, Агнес. Я всю жизнь работала, как ломовая лошадь, без дня отдыха. И ради чего?

Следующее предложение Агнес прекрасно знала. Она продолжала отрицательно качать головой.

– Для того, чтобы у тебя было все, что душа пожелает.

Лиззи в этот момент, казалось, унесло куда-то далеко-далеко. Агнес захотелось вдруг обнять мать, попросить у нее прощения, хотя при этом она не испытывала ни малейшего угрызения совести.

– Мы не можем снова быть друзьями?

– Нет. Теперь все стало не так просто. – Уголки рта Лиззи насмешливо опустились вниз. – Давай поцелуемся и помиримся? Нет, не думаю. – Она раскрутила еще одну папилютку. – Сколько женщин согласится на такое, Агнес?

Агнес ошетибилась.

– Мне нужно закурить.

– Тебе много чего нужно. – Она помолчала, потом добавила: – Тебе нужно было оставаться замужем за тем католиком.

Агнес порылась в материнском пакете с папилютками, вытащила пачку «Эмбасси» и сунула себе в рот две сигареты. Она глубоко затянулась и надолго задержала дым в легких.

– Иисус не заплатит за мой каталог.

Лиззи притворно рассмеялась.

– Не заплатит. И поделом тебе.

Агнес встала, потом села на одеяло рядом с матерью. Зажженная сигарета была жалким предложением мира, но Лиззи приняла ее и сказала:

– Помоги мне вытащить эти папилютки. Я, наверно, похожа на полоумную. – Агнес взяла материнскую голову в свои руки, погладила редешущие волосы. Лиззи немного смягчилась. –

Знаешь, твой отец всегда в пятницу вечером приходил в половине седьмого. Все остальные работяги пропадали. Во всем Джермистоне до послеполуденных часов воскресенья не было слышно ни одного мужского голоса. Помню, ты высовывалась в окно, смотрела, как они бредут домой к воскресному ужину, все с сильного похмелья.

Чистильщицы картофеля снова закивали в унисон.

– Я им не судья, – сказала Лиззи. – Так было заведено в те времена. Если ты хотела, чтобы у тебя были деньги на хозяйство, то должна была выковыривать своего мужика к пятничному ужину из паба. Но твой отец возвращался домой с песней к пятничному вечеру: жалованье целехонькое в кармане, а под мышкой новый пакетик. Дурачок заходил на рынок по пути из Медоусайда и покупал тебе маленькое платьице или новое пальтишко. Я никогда не слышала, чтобы у кого-то муж знал размеры своих чад, я уж молчу о том, чтобы он что-то им покупал. Я ему все говорила, чтобы он перестал, что он тебя избалует. Но он только отвечал: «Какая от этого может быть беда?»

– Ма, я больше не могу об этом.

– Откровенно говоря, я порадовалась за тебя, когда ты вышла за этого Брендана Макгоуэна. Мне казалось, он мог тебе дать то, что твой отец дал мне. Но посмотри на себя: тебе непременно нужно было искать кого получше.

– А что – нельзя?

– Получше? – Лиззи прикусила кончик языка. – Посмотри, куда это *получше* тебя привело. Эгоист до мозга костей.

Агнес расплела последнюю папильотку матери. Ей приходилось сдерживать себя – уж больно велико было желание дернуть, хоть чуть-чуть.

– Что ж, если ты меня считаешь эгоисткой, хочу попросить тебя об услуге.

Лиззи шмыгнула носом.

– Недавно помирились – рановато еще просить об услугах.

Она потеряла мочку уха Лиззи, потеряла легонько, с намерением.

– Мне нужно, чтобы ты передала ему кое-что от меня. Скажи ему, что мы съезжаем. Скажешь?

– Это убьет твоего отца.

– Не убьет. – Она покачала головой. – Но если я останусь, я точно знаю, что потеряю его.

Лиззи повернула голову, внимательно посмотрела на дочь. Ее холодный взгляд отметил искорку надежды в глазах Агнес.

– Ты во что угодно готова поверить. – Это был не вопрос.

– Нам нужно начать с чистого листа. Шаг говорит, переезд может все исправить. Домик совсем маленький, но там свой садик, и отдельная входная дверь, и все такое.

Лиззи небрежно помахала сигаретой.

– Ах, какие мы! Собственная входная дверь. Скажи мне: сколько тебе замков понадобится повесить на эту дверь, чтобы не выпустить этого блядуна из дома?

Агнес почесала кожу вокруг своего обручального кольца.

– У меня никогда не было собственной входной двери.

После этого две женщины долго молчали. Первой заговорила Лиззи.

– Ну так и где она – твоя собственная входная дверь?

– Я не знаю. Это где-то на Истерн-роуд. Раньше ее снимала какая-то итальянская шлюшка или какой-то знакомый Шага. Он говорит, там много зелени. И тихо. Как раз для моих нервов.

– А собственная бельевая веревка там есть?

– Думаю, есть. – Агнес перекадилась на колени. Она умела выпрашивать то, что ей хотелось. – Слушай, мы ведь снова друзья, правда? Мне нужно, чтобы ты сказала об этом папке.

– Время ты выбрала просто превосходное. После этой утренней фигни? – Лиззи опустила подбородок на грудь и растянула губы в грустной клоунской улыбке. – Если ты уйдешь, он будет корить себя до конца жизни.

– Не будет.

Лиззи начала застегивать свое летнее платье. Пуговицы залезали не в те петли, испытывая ее терпение.

– Помяни мои слова. Шага Бейна интересует только Шаг Бейн. Он увезет тебя к черту на рога, там-то тебе и придет конец.

– Нет.

Тут, неуклюже топая, во двор вошли Вулли и Шагги. Первой их увидела Лиззи.

– Ты только посмотри на это: ходячая реклама мыльного порошка.

Когда Агнес посмотрела на Шагги, тот слизывал со своих пухлых пальцев остатки «Эйфелевой башни». Она не смогла сдержать улыбку, глядя на отца – гиганта, выпустившего полы рубашки поверх брюк, словно школьник, уклоняющийся от ношения формы. Они шли медленно, между ними покачивалась куколка Дафна, столь любимая Шагги.

– Если ты не можешь заставить Шага вести себя правильно по отношению к тебе, то по крайней мере заставь его вести себя правильно по отношению к мальчику. – Лиззи прищурилась, глядя на внука и его белокурую куколку. – Тебе надо будет пресечь это на корню. Неправильно это.

Семь

Агнес следила за красными кожаными чемоданами Шага, которые перемещались по квартире. Они появились из ниоткуда в начале этой недели, без ценников и почти как новенькие. Прежде чем тщательно упаковать вещи, Шаг аккуратно сложил всю свою одежду, носки затолкал в туфли, скрутил нижнее белье в опрятные рулетики. Часто в течение этой недели он открывал один из красных чемоданов и внимательно изучал содержимое, словно запоминая, где что лежит, потом закрывал крышку и надежно запирали замок. Агнес видела, что чемоданы полупусты, что внутри еще много свободного места. Несколько раз она оставляла рядом с ними маленькие стопки детской одежды, а потом с яростной ревностью наблюдала, как чемоданы перемещаются в другой конец комнаты, а вещишки ее детей остаются там, где и лежали.

В день переезда он поставил красные чемоданы у двери в спальню. Агнес безуспешно попыталась ногтем отпереть замок на одном из них. Она недоумевала, почему муж до сих пор не показал ей нового дома. Идея переезда зародилась у Шага после одной из ночных смен, когда он разговорился с одним своим приятелем-масоном, которому принадлежала кулинарная забегаловка в центре города. Квартира в муниципальном доме с отдельной входной дверью, две общие комнаты внизу, две спальни на втором этаже. Шаг сразу же подписался на это жилье со всей беспечностью покупателя лотерейных билетов.

Агнес завернула последние из ее фарфоровых фигурок в газету и поставила свои старые парчовые чемоданы рядом с чемоданами Шага. Она расположила их через один с красными чемоданами, потом переставила, но что бы она ни делала, ее не покидало чувство, что эти чемоданы не созданы друг для друга. На багажной бирке одного из ее чемоданов была сделана надпись, которую она с трудом узнала. Это был счастливый уверенный почерк гораздо более молодой Агнес, бросавшей первого мужа ради обещания жизни, которая стоила того, чтобы ее прожить. Ее пальцы прошлись по знакомому имени: Агнес Макгоуэн, Белфилд-стрит, Глазго.

Лик еще ходил в подгузниках, когда она убежала.

В ночь, когда Агнес оставила мужа, она уложила в зеленые чемоданы новую одежду, показушные, бесполезные вещи, которые купила на остатки кредита Брендана Макгоуэна и целый год прятала. Перед бегством она в последний раз сделала уборку в их квартире. Она знала, что известие о ее бегстве приведет сюда соседей. Они со своими мышиными глазками будут выражать сочувствие ее мужу, надеясь вволю нашамкаться своими беззубыми ртами о ее наглых манерах. Она не доставит им удовольствия считать ее ко всему прочему неряхой.

Она носком притоптала уголок шикарного ковра в коридоре, возвращая его на место и с грустью слыша, как ковровые гвозди снова входят в дерево. С утра пораньше она попыталась снять его, чтобы забрать с собой. Но сломала две хорошие свадебные ложки и сбила в кровь пальцы, после чего села на стул и расплакалась от бессилия. И пока тушь растекалась по щекам, Агнес подумала, не остаться ли ей еще ненадолго, чтобы хорошенько попользоваться этим новым аксминстерским ковром³⁹. Она не пыталась забрать с собой все, но ковер купили недавно, и ей нравилось видеть, как одна старушка из квартиры напротив бледнела каждый раз при виде него. Это был один из тех коридорных ковров, ради которого стоило оставлять запахнутой входную дверь, чтобы все соседи увидели его красоту и пышность. Она столько намучилась, укладывая от стены до стены этот темпלטонский двойной аксминстер, но радость от покупки не продлилась долго, не продлилась даже вполовину от того, что она ожидала.

Живя с этим католиком в квартире на первом этаже, она видела только покрытую сажей стену жилого дома напротив. В ночь побега она смотрела, как гаснут одно за другим окна – славный трудолюбивый люд рано ложился спать, чтобы рано подняться. Снаружи сквозь шум

---

³⁹ *Аксминстерский ковер* – род бархатного ковра с большими вытисненными цветами.

дождя доносилось урчание работающего двигателя такси. Она не могла не чувствовать некоторого возбуждения, и внутри нее, несмотря на сомнения, усиливался восторженный трепет.

За спинкой дивана лежали две миниатюрных статуэтки, книги по обработке лучших сортов тяжелого сукна и мягкого бархата и неудобные туфли из лакированной кожи с вульгарными серебряными пряжками. Она разбудила своих спящих малышей. Кэтрин была похожа на пьяного старика, ее сонные веки открывались и закрывались, словно она раз за разом делала трудные недовольные глотки. Пока Агнес будила их поцелуями, кто-то осторожно поскребся в дверь. Она выскользнула в коридор. Дверь открылась с тихим скрипом, и круглое загорелое лицо взволнованно заморгало на ярком свете. Шаг нетерпеливо переступал с ноги на ногу, словно готовый в любую секунду броситься наутек.

– Ты опоздал! – прошипела Агнес.

Запах кислого стаута в ее дыхании заставил его проглотить улыбку.

– Я, бля, просто не верю, что это происходит.

– Чего ты ждешь? – прошипела она. – У меня нервы как струны натянуты.

Агнес распахнула дверь и передала Шагу тяжеленные раздавленные в ширину чемоданы, в которых что-то радостно позвякивало, словно в них лежали елочные игрушки.

– Это все?

Агнес устала на пухлый ковер с его замысловатым рисунком и вздохнула.

– Ага. Все.

Шаг с чемоданами в руках зашаркал на улицу. Агнес повернулась, окинула взглядом квартиру. Подошла к зеркалу в коридоре, пробежалась пальцами по волосам, ее черные кудри сопротивлялись и возвращались в свое прежнее напряженное положение. Она взяла тюбик помады, провела по губам. «Не так уж и плохо для двадцати шести», – подумала она. Двадцать шесть лет сна.

В детской она застелила кровати, сунула грязные пижамки в карман своей норковой шубки, без всяких уговоров всучила детям по игрушке в руки и вывела в коридор. Остановившись перед широкой дверью в спальню, она повернулась к ним. Посмотрела на великолепный ковер и настоятельно прошептала:

– Значит, так: что бы ни случилось, никаких слез, договорились? – Лоснистые головки кивнули. – Когда мы войдем, вы сможете улыбнуться ради меня такой большой-большой счастливой улыбкой?

По привычке она щелкнула выключателем в спальне, и темнота взорвалась ярким режущим глаз светом. Спальня была маленькой и тесной, почти всю ее занимала слишком большая кровать в стиле рококо. Мальчик радостно крикнул «Папа!» и неопрятная грудка на огромной кровати шевельнулась. Брендан Макгоуэн сел в недоумении, моргая, уставился на викторианских христославов в изножье своей кровати. У него отвисла челюсть.

Агнес величественным жестом подняла воротник своей шубки. Он купил ей эту шубку в кредит – расточительность, в которой не было необходимости, он просто надеялся сделать жену счастливой, чтобы она забыла о нужде, пусть и ненадолго.

– Значит, так. Спасибо за все. – Получалось как-то не очень. – Я ухожу, – сказала она, и эта неловкая недосказанность прозвучала, как слова горничной, которая, закончив свои дневные труды, уходила до следующего утра.

Сонному мужу оставалось только хлопать глазами, когда его семья помахала ему на прощанье и вышла из спальни. Он услышал, как негромко хлопнула входная дверь, потом раздались рычание дизельного двигателя. И они исчезли.

Когда они с ревом умчались той ночью, черное такси казалось тяжелым и надежным, как танк. Агнес сидела на длинном кожаном диване, а к ней прижимались дети, согревая ее с двух сторон. Они вчетвером молча ехали по мокрым, сверкающим улицам Глазго. Шаг все время поглядывал в зеркало заднего вида, скользя по лицам спящих детей и чуть прищуриваясь.

– Так куда мы едем? – спросил он немного погодя.

После долгой паузы он услышал голос Агнес через воротник ее шубки:

– Почему ты опоздал?

Шаг не ответил.

– У тебя были сомнения?

Он отвел глаза от зеркала.

– Конечно, были.

Агнес поднесла руки в кожаных перчатках к лицу.

– Господи Иисусе.

– А что – у тебя не было?

– Разве похоже, что у меня были сомнения? – ответила она, и голос ее прозвучал выше, чем ей хотелось бы.

Улицы Ист-Энда были пусты. Последние пабы уже закрылись, и порядочные семьи согрелись от холода в своих постелях. Такси протащило по Галлоугейту, потом миновало рынок. Агнес никогда еще не видела его таким пустым, обычно он кишел людьми, пришедшими за ежедневными покупками, новыми занавесками, выбирающими мясо получше или рыбу к пятнице. Сейчас рынок представлял собой кладбище пустых столов и ящичков для фруктов.

– Так куда мы едем?

– Я, видишь ли, свои сомнения оставила дома.

Он сердито смотрел на нее в зеркало.

– Мы же договорились. Мы сказали, с чистого листа.

Агнес чувствовала, как горячие головки детей зарываются в ее бока.

– Да, но все не так просто.

– Но ты же говорила.

– Ну да. – Агнес отвернулась к окну. Она все еще чувствовала на себе его пристальный взгляд в зеркале. Она бы предпочла, чтобы он следил за дорогой. – Я не смогла это сделать.

Он посмотрел на детей, облаченных в их лучшие и дорогие старомодные воскресные костюмчики, надетые в первый раз, купленные для бегства среди ночи. Он подумал обо всей их одежде, аккуратно уложенной в чемоданы.

– Да, но ты даже и не попыталась, верно?

Она уставилась в его затылок.

– Не все мы можем быть так бессердечны, как ты, Шаг.

Взрыв гнева охватил его, и он ударил по тормозам. Все четверо резко клюнули головой вперед, а дети принялись недовольно бурчать.

– И ты спрашиваешь, хули это я опоздал? – Капельки слюны брызнули на зеркало заднего вида, засверкали на стекле. – А опоздал я потому, что должен был попрощаться с четырьмя плачущими детишками, на хуй, бля. – Он провел тыльной стороной ладони по мокрым губам. – Я уж не говорю о жене, которая грозила отравить себя и их газом. Сказала мне, что, если я уйду, она включит духовку, но поджигать газ не будет.

Такси, взвизгнув покрывками, тронулось с места. Дальше они ехали молча, обгоняли пустые ночные автобусы, урчащие своими моторами, провожали глазами темные окна холодных домов. Когда он снова заговорил, его голос звучал спокойнее.

– Ты когда-нибудь пробовала уходить из дома, когда вся твоя гребаная семейка впилась в тебя, словно рыболовными крючками, а? Ты знаешь, сколько времени нужно, что освободиться от четырех визжащих малышей, ухвативших тебя за ноги? Чтобы раскидать их по коридору и закрыть дверь, прищемляя их пальчики? – Он посмотрел на нее в зеркало ледяным взглядом. – Нет, ты не знаешь, что это такое. Просто говоришь твоему покорному слуге, чтобы он

приехал за тобой. А потом ты выходишь из дома с чемоданами, будто мы на денек в Милпорт⁴⁰ собрались.

Она трезвела понемногу. Сидела, уставившись в окно, стараясь не думать о следе, который они оставляют за собой, – о детях без отца и об отце без детей. Она представляла себе это в виде шлейфа вязких, соленых слез, который тащится за черным такси. К этому времени ее возбуждение прошло.

Когда они в третий раз проехали под железным железнодорожным мостом в Тронгейте, начался рассвет, и на рынке стали разгружать фургоны со свежей рыбой. Агнес смотрела на женщин, столпившихся на автобусной остановке, на уборщиц, готовящихся наводить порядок в больших офисах в центре города с утра пораньше.

– Мы можем поехать в новую квартиру моей мамы, – пробормотала она наконец. – Остановимся там, пока не найдем собственное жилье.

Все прошедшие годы Агнес не хотела думать о той ночи, потому что воспоминание заставляло ее чувствовать себя душой. А теперь она снова укладывала вещи в чемоданы католика. Парчовые чемоданы, которые уносили ее отсюда, были теми же самыми чемоданами, которые принесли ее сюда, в дом матери. Она посмотрела на зеленые чемоданы и разорвала пополам свою старую бирку с фамилией Макгоуэн.

Когда Агнес ушла от католика, Брендан Макгоуэн пытался поступать с ней по-человечески. Даже после того, как она улизнула посреди ночи, он нашел ее у матери, пообещал многое изменить, если она вернется к нему. Агнес стояла там, в тени высотки, сложив руки на груди, и слушала, как ее муж предлагает ради нее полностью измениться до такой степени, что родная мать его не узнает. Когда ему стало ясно, что она к нему не вернется, он попросил приходского священника поговорить с Вулли и Лиззи, чтобы они принудили ее вернуться. Агнес ничего не хотела слушать. Она не собиралась возвращаться к жизни, которую она знала от и до.

Следующие три года Брендан Макгоуэн каждый четверг присылал деньги, а каждую субботу забирал детей к себе. Последнее воспоминание, которое у Кэтрин сохранилось об отце: они сидят в кафе «Кастелани», и Брендан салфеткой вытирает ванильное мороженое с лица Лика. Агнес намеренно одела их в лучшие одежды, и пожилая дама с жемчугами на шее и в ушах похвалила Брендана – опрятный внешний вид и хорошие манеры детей привели ее в восторг. Женщина наклонилась к Кэтрин и спросила хорошенькую девочку, как ее зовут. И маленькая девочка голосом чистым, как звон соборного колокола, ответила: «Кэтрин Бейн».

Брендан извинился, сказал, что ему нужно отойти на минуту. Он протиснулся между группками счастливых семей к туалету, потом развернулся и исчез на улице. Кэтрин не знала, сколько времени просидели они там вдвоем, но Лик доел свое мороженое, потом ее, а потом макал палец в растаявшие остатки на доньшке стеклянной креманки в форме ракушки.

Добрый католик сделал все, что мог, чтобы удержать свою беспокойную жену. Она убежала от него, а он наступил на собственную гордость и просил ее вернуться. Она с ним развелась, а он опять наступил на свою гордость и считал своей священной обязанностью проводить время с детьми. Потом она дала им протестантскую фамилию, и они, как ягнята, отбившиеся от стада, оказались помеченными нестираемой маркировкой другого. Через это перешагнуть он не мог. Теперь, тринадцать лет спустя, Лик и Кэтрин, встретив отца случайно в толпе, не узнали бы его.

Агнес с трудом сдерживалась, чтобы не дергать каждую минуту ручки парчовых чемоданов. Она снова упаковала свои вопросы и сомнения в католические чемоданы и понуро понесла их в такси. Теперь черная машина казалась Агнес катафалком. Вулли не сказал ей ни слова, помогая заносить детскую одежду в ржавый лифт. Лиззи стояла над большой суповой кастрю-

---

⁴⁰ *Милпорт* – единственный город на острове Грейт-Камбро в заливе Ферг-оф-Клайд, Шотландия. – *Прим. ред.*

лей на кухне и ломала свои огрубевшие руки, опустив их на передник. Мать подвинулась, и Агнес в этот момент увидела, что газ не включен.

Лик и Кэтрин просидели всю ночь на своих кроватях, разговаривая о зловещем развороте их жизнью. Агнес слышала их негромкое бормотание за стеной. Лиззи в начале недели подошла к ней и сказала, что дети попросили у нее разрешения остаться. Она умоляла Агнес дать Лику возможность окончить школу, а Кэтрин позволить жить ближе к работе. В день переезда Агнес заметила, что Лика все утро не было – улизнул в какую-то свою нору с карандашами и секретными альбомами. Кэтрин унимала дрожащую губу и покорно помогала матери собираться. Лиззи все утро тискала Шагги и нашептывала в его бледную шейку молитвы о благополучном возвращении. Агнес наблюдала за Ликом, когда тому казалось, что его никто не видит, а он опять умолял бабушку разрешить ему остаться, обещал быть пай-мальчиком, хорошо себя вести. Агнес порадовалась, когда Лиззи мягко отказала ему: «Нет, Александр, твой дом там, где твоя мамочка».

Когда начался дождь, погрузили последнее, что оставалось: два красных кожаных чемодана Шага. Только после того как их уложили, Агнес призналась себе, что пришло время ехать. Лиззи и Вулли стояли под дождем серые и неподвижные, как многоэтажка за их спинами. Прощание было формальным и холодным. Лиззи не допустила бы никаких сцен на публике. Трещина в фасаде может расширяться, и Агнес понятия не имела, какой поток хлынет оттуда. А потому они делали вид, что беспокоятся о чайниках и чистых полотенцах.

Агнес села на заднее сиденье, втиснув Шагги себе между коленей. Лик и Кэтрин сели по бокам, обложенные коробками, их бедра прижимались к ее. Она выгладила всю их одежду, потратила время, чтобы накрахмалить рабочую блузу Кэтрин, выбрала из каталога блейзер для Шагги. Она отбелила свои вставные зубы, покрасила волосы в цвет чуть темнее черного, ближе к глубокому темно-синему оттенку.

Этим утром Агнес наклонила вперед голову и спросила Кэтрин, что та думает о ее новой туши. Ресницы были так густо накрашены, что казалось, глаза Агнес вот-вот слипнутся, и она неожиданно заснет. Теперь, когда такси вырулило на главную дорогу, Агнес демонстративно обернулась, скорбно помахала в заднее стекло и моргнула, надолго прикрыв тяжелые веки. Она подумала, что в этом есть какой-то киношный шик, она словно стала звездой на собственном дневном спектакле.

Такси протарахтело по Спрингберн-роуд, мимо пустого железнодорожного завода «Сент-Роллокс», и Агнес только тогда повернула голову обратно. Она перебирала, словно четки, пустые доводы в пользу того или иного объяснения, почему реализует план Шага, но сколько она ни пыталась ими укрепить себя, ей все это казалось дурацкими фантазиями влюбленной девчонки в два раза моложе ее. Агнес терла подушечки пальцев, подсчитывая количество собственных глупостей: возможность украсить и содержать в порядке собственный дом. Сад для детей. Мир и покой ради их брака. Она копнула глубже. Есть шанс, что жизнь наладится, надеялась она, когда он будет подальше от своих женщин.

Окна в машине запотели, и Шагги нарисовал печальную мордочку на конденсате. Лик одним движением большого пальца превратил мордочку в стоячий член, а потом плюхнулся на сиденье. Агнес стерла рисунок унизанной кольцами рукой и сквозь чистое стекло увидела, что они за Прованмиллом⁴¹ проезжают мимо больших голубых газгольдеров, сторожащих северо-восточные ворота Глазго.

Они очень долго ехали молча. Наконец такси остановилось на светофоре, и Шаг опустил стеклянную перегородку, чтобы сообщить им, что они почти приехали. Он снова поднял стекло, и Агнес задумалась: почему он это делает – то ли по привычке, то ли по каким-то своим соображениям. Она вспомнила времена, когда он ухаживал за ней: тогда перегородка посто-

---

⁴¹ Прованмилл – район на северо-востоке Глазго. – Прим. ред.

янно была опущена, а он пытался обаять ее своей болтовней. Он подавался назад и постукивал своим масонским кольцом о перегородку, она видела белую полоску на том пальце левой руки, где должно быть обручальное кольцо. Воздух в салоне стоял тяжелый от его терпкого соснового лосьона после бритья и геля для волос. В будни в салоне воняло, окна запотевали, пока они занимались любовью. Она вспомнила о счастливых часах, когда они парковались под Андерстонским мостом⁴². Счастливые часы до того, как они по-настоящему узнали друг друга.

Агнес смотрела на заросшие травой палисадники и одноэтажные домики, пыталась вернуть былое воодушевление, но это было сродни попыткам разжечь костер из сырого дерева. Существовала некая граница, за которой дома переходили из разряда принадлежащих муниципалитету в разряд выкупленных. Шаг со скрипом опустил разделительное стекло.

– Ты посмотри на эти садики, а?!

Домики были прекрасны – с розами и гвоздиками, улыбающимися статуэтками за окнами с двойными рамами. Они проехали чуть дальше, здесь дома возвышались над ними в насыпном тупике – вылизанном участке земли, приподнятом над шумом проезжей части. Перед каждым частным домом располагался сад с подъездной дорожкой, машиной, а иногда и двумя. Агнес поймала взгляд Шага в зеркале – в нем было столько любви, сколько она давно не видела.

– Если тебе нравится это, подожди, еще и не такое увидишь. Джо сказал, это похоже на счастливую маленькую деревеньку. Настоящий семейный уголок, где все друг друга знают. Лучшее места для жизни не придумаешь.

Лик и Кэтрин обменялись ехидными взглядами. Агнес обхватила рукой их колени и сжала в строгом предупреждении. Шаг, перекрикивая рев дизельного двигателя и наклоняясь к проему в стекле, сообщил:

– Это рядом с каменноугольной шахтой, и все мужики там работают. Жалованье такое высокое, что женщинам даже из дома выходить не надо. Джо сказал, что все их дети ходили в одну школу. Повезло Шагги: спустится с небес на землю, найдет ровесников для игр.

Его глаза искрились счастьем, он был доволен тем, как у него хорошо все устроилось. Агнес наблюдала, как он поглаживает свои усы.

– Тут, значит, пабов никаких нет. Сухота, если не считать Шахтерского клуба.

– Что – ни единого? – подалась вперед Агнес.

– Угу. А чтобы в клуб попасть, нужно быть шахтером или его женой.

Агнес почувствовала, как у нее вспотела спина.

– А как ты собирался развлекаться?

Но Шаг не слушал ее.

– Вот оно! – возбужденно прокричал он, показывая на поворот дороги. Такси накренилось, когда Агнес и дети подались к окну, чтобы увидеть поворот, за которым начнется их новая жизнь. На повороте расположилась пустая заправочная станция, где на широкой бетонированной площадке стояли одна колонка для бензина и одна – для дизельного топлива. Шаг притормозил и свернул на ближайшую улицу.

Агнес рылась в своей кожаной сумочке, бренча маркерами для игры в бинго и жестянками с мятными леденцами. Она вытащила тюбик кроваво-красной помады и подкрасила губы. Заранее поднеся руку к лицу, она украдкой сунула в рот голубую таблетку, раскусила ее пополам и проглотила всухую. Заметила это только Кэтрин. Дочь видела, как мать надула губы и тщательно вытерла их уголки. Потом Агнес нагнулась и поправила пряжки на своих высоких черных туфлях, длинными накрашенными ногтями разгладила шерстяную юбку и сняла с нее прилипшие пушинки от ее розового ангорского джемпера.

---

⁴² *Андерстонский пешеходный мост*, или «мост в никуда» – один из недостроенных объектов вокруг автомагистрали М8 в центре Глазго. Был построен в 1960-х как часть проекта внутренней кольцевой дороги города, достроен в 2013 году. – *Прим. ред.*

Кэтрин прищурилась.

– Как так получилось, что ты одета не для переезда?

– Ну есть переезды, а есть смена места. – Агнес плюнула на свою расческу, прошла по волосам Шагги. Он принялся извиваться, но она обхватила его за плечи и причесывала, пока волосы не легли ровными рядами, между которыми просматривались розовые полоски его кожи.

– Мда... Ну и как я тебе? – спросил Лик, растрепав волосы у себя на голове. Его большой палец на ноге разорвал шов белых кед – теперь из дырки торчал грязный носок.

Агнес вздохнула.

– Если кто-нибудь спросит, то ты – грузчик.

Они опустили окна в машине до упора, и порывистый ветерок наполнил салон запахами свежескошенной травы и диких колокольчиков. Под яркими зелеными красками виднелся темно-коричневый цвет неухоженных полей, холмы коровьих лепешек и темные места у корней влажных деревьев. Отделанные бисером рукава розового ангорского джемпера Агнес трепыхались на ветру, она вся мерцала, как кролик, обвешанный стразами. Шагги протянул руку и провел пальцами по стеклянным бусинкам. Приоткрытый рот его матери искривила широкая улыбка с выставленными напоказ белыми зубами, словно ее кто-то фотографировал. Ее можно было бы назвать счастливой, если бы ее глаза все время не искали с тревогой глаз Шага в зеркале заднего вида. Шагги сидел, играя с ее рукавом, и видел, как сомкнулись ее зубы и заходили ходуном желваки.

Дорога опять сузилась, последние ухоженные садики окончательно скрылись из виду. Они проехали мимо островка мертвых тисов, и по обеим сторонам возникло плоское заболоченное пространство. Бесконечную пустоту разнообразили небольшие коричневые бугорки и клочки кустарников и колючего дрека. Грязные медные ручьи змеились по открытым полям, и дикая коричневая трава росла по обе стороны оград, пытаясь предьявить свои права на изрытую глубокими колеями Пит-роуд⁴³. Сама дорога была покрыта слоем угольной пыли, в которой колеса оставляли следы, будто на негативе свежевыпавшего снега.

Такси, сотрясаясь на выбоинах, неторопливо повернуло. Вдали простиралось море громадных черных насыпей, холмов, выглядевших так, будто жизнь в них выжжена дотла. Они закрывали линию горизонта, а за ними не было ничего, словно такси добралось до края земли. На выжженные холмы падали отблески солнечных лучей, а ветер сдувал с вершин черные вихрящиеся клубы, точно с гигантских куч пыли, которые вытряхнули из пылесоса. Вскоре в зеленовато-коричневом воздухе появился темный, едкий привкус, металлический и резкий, какой ощущается, когда притронешься языком к электродам севшей батареек. Они сделали еще один поворот, и сломанная изгородь закончилась большой автомобильной парковкой. В конце парковки стояла высокая кирпичная стена со старыми железными воротами, закрытыми и запертыми на навесной замок с цепью. Будка охранника у ворот наклонилась под странным углом, а ее крыша густо заросла сорняками. Шахта была закрыта. На фанерном ограждении кто-то написал «Тори, идите на хуй». Казалось, что шахта закрыта навсегда.

Напротив ворот стояло невысокое бетонное сооружение без окон. Из него выходили десятки мужчин, собирались мрачными группками на Пит-роуд. Могло показаться, что эти люди выходят из церкви, но, когда рычание дизеля приблизилось, они все, как один, повернулись. Шахтеры прервали разговоры и прищурились, чтобы лучше рассмотреть такси. На всех были одинаковые черные спецовки, они держали большие янтарные кружки и покуривали сигареты. У шахтеров были умытые лица и розовые руки, которые словно забыли о работе. Кроме этих людей, ничего чистого на протяжении нескольких миль не встречалось, и в этом, казалось, было что-то ущербное. Шахтеры неохотно расступились и пропустили машину. Лик

---

⁴³ От *англ.* pit – «шахта».

смотрел на них, они смотрели на Лику. У него засосало под ложечкой. У всех мужчин был взгляд его матери.

Поселок возник перед ними неожиданно. Узкая пыльная дорога впереди резко упиралась в склон невысокого коричневого холма. Каждая из трех или четырех маленьких улочек, из которых и состоял поселок, горизонтально ответвлялась от главной дороги. Дома с пологими крышами, квадратные и приземистые, стояли тесными рядами. Перед каждым домом – невыразительные садики под одну гребенку, каждый садик рассечен идентичными белыми бельевыми веревками, натянутыми на серые столбы. Поселок здесь окружало торфяное болото, а на востоке землю в поисках угля разрыли, и она почернела, стала бесплодной.

– Это оно и есть? – спросила она.

Шаг не смог ответить. По его ссутулившимся плечам она поняла, что и его сердце упало. Задние зубы Агнес были стерты в порошок. Подъезжая к невысокому холму, они увидели невзрачную католическую церквушку и группку женщин в домашних халатах. Шаг покрутил головой в поисках указателей и резко свернул направо. На этой улице ровными рядами стояли скромные двухэтажные дома на четыре семьи. Это были самые жалкие и невзрачные дома, какие доводилось видеть Агнес. Окна большие, но тонкие, такие легко выпускают тепло и легко впускают холод. Из дымоходов по всей улице в небо уходили черные клубы дыма, в домах даже в теплый летний день стоял невыносимый холод.

Миновав еще нескольких домов, Шаг остановил машину. Он подался вперед над баранкой, чтобы получше разглядеть здание. На улице они почти не увидели припаркованных машин, а те, что стояли, явно были не на ходу.

Шаг отвлекся, и Агнес тем временем принялась рыться в своей черной кожаной сумке. «Вы трое, держите рот на замке, ясно?» – прошипела она. Она опустила голову во вместительную сумку и чуть наклонила ее к лицу. Дети видели, как пульсировали мышцы на ее горле, когда она сделала несколько больших глотков из спрятанной внутри банки теплого лагеря. Агнес вытащила голову из сумки. Лагер смыл помаду с ее верхней губы, и она протяжно взмахнула ресницами под слоями потраченной впустую туши.

– Какая сраная дыра, – неразборчиво проговорила она. – А я-то хорошо оделась ради этого.

1982 Питхед

Восемь

К тому времени, когда открылась задняя дверь фургона «Альбион», посреди дороги уже собрались несколько женщин, которые, не таясь, смотрели на то, что тут происходит. В руках они держали мокрые кухонные полотенца, недоглаженную одежду – они даже не дали себе труда оставить эти вещи дома, так спешили прийти и увидеть. Семьи появлялись из низеньких домов и усаживались на ступеньках крыльца, словно для просмотра хорошей передачи по телику. Ватага чумазых детишек во главе с бесштанной мальчишкой пересекла пыльную улицу и встала полукругом около Агнес. Она вежливо поздоровалась с детьми, которые в упор разглядывали ее, вокруг губ у них все еще оставались красные соусные кольца после обеда.

Поскольку шахтерские дома стояли довольно плотно, входные двери неизбежно располагались одна напротив другой. Участки разделялись лишь невысокой оградой и узкой полоской травы. Входные двери против двери Агнес были все широко распахнуты, в них стояли женщины, глазели, с полдюжины детей с одинаковыми лицами толклись рядом. Как на фотографии бабушки Кэмпбелл и ее ирландской дюжины – Вулли как-то показывал ей этот снимок. Агнес стояла на своем крыльце, улыбалась над низкой оградой, махала, ее кроличьи рукава с бусинками пускали солнечных зайчиков.

– Привет, – вежливо обратилась она к общему собранию.

– Вы сюда переезжаете? – сказала женщина от двери соседнего дома. Ее светлые волосы вились на темно-каштановых корнях. От этого возникало впечатление, что на женщине детский парик.

– Да.

– Все вы? – спросила женщина.

– Да. Моя семья и я, – поправила ее Агнес. Она представилась, протянула руку.

Женщина поскребла голову. Агнес подумала, может ли та говорить иначе, чем вопросами, когда женщина наконец ответила.

– Меня зовут Брайди Доннелли. Я прожила на верхнем этаже двадцать девять лет. У меня за это время сменилось пятнадцать нижних соседей.

Агнес чувствовала, что глаза всех Доннелли устремлены на нее. Тощая девочка с темными круглыми глазами вынесла через дверь поднос с разными чайными кружками. Все взяли по одной, не отрывая глаз от Агнес.

Брайди кивнула над оградой.

– А это Норин Доннелли, моя родня. Но не моих кровей, вы меня понимаете. – Седоволосая женщина поболтала языком во рту и резко кивнула. Брайди Доннелли продолжила: – Эту девчонку зовут Джинти Макклинчи. Моя родня. Это моя кровь. – Миниатюрная женщина размером с ребенка рядом с Норин долго затягивалась коротким окурком. Она сощурилась от дыма, в своей косыночке женщина и впрямь походила на Брайди. Они все ходили на Брайди, даже мальчишки, только выглядели они не совсем по-мальчишески.

Краем глаза Агнес засекала еще одну женщину – та переходила пыльную улицу. Она остановилась и что-то сказала стоявшим полукругом детям в обносках, покивала так, словно услышала от них какую-то скорбную новость, потом вышла через калитку к новым соседям. Деться Агнес было некуда. У нее за спиной из дома вышел мрачный Лик за следующим грузом.

– Это твой мужик? – спросила, не представляясь, новоприбывшая женщина. Кожа на ее лице была натянута туго, словно на кости черепа. Глаза глубоко запали, а волосы имели сочный каштановый цвет, хотя уже и начали редеть, как шерсть на нечесаном коте. Она стояла перед Агнес в сильно растянутых штанах, которые когда-то сидели на ней в обтяжку, их штрипки терлись в мужских домашних тапочках.

Агнес ошарашила абсурдность этого вопроса. Разница между нею и Ликом была двадцать с лишним лет.

– Это мой средненький. Шестнадцать будет весной.

– Аа, весной говоришь? – Женщина задумалась на секунду, потом ткнула тонким пальцем в фургон для перевозки овощей. – А этот мужик твой?

Агнес посмотрела на грузчика, боровшегося со старым телевизором, который она на всякий случай пыталась завернуть в простыню.

– Нет, это приятель одного приятеля, согласился помочь.

Женщина задумалась. Она втянула худые щеки. Агнес лениво махнула рукой и почти развернулась, чтобы уходить.

– А на рукавах-то у тебя чо? – спросила тощая женщина.

Агнес опустила глаза, бережно, словно котят, погладила свои пухлые рукава. Стразы нервно позвякивали.

– Это просто маленькие бусинки.

Шона Донелли, девица, принесшая чай, медленно выдохнула.

– Ах, миссис, как они мне нравят...

Тощая женщина оборвала ее.

– А мужик-то у тебя есть?

Передняя дверь снова открылась, и на верхнюю ступеньку вышел Шагги. Не обращая внимания на женщин, он посмотрел на мать, упер руки в бока, выставил ножку вперед и произнес таким четким голосом, какого Агнес от него не слышала прежде:

– Нам нужно поговорить. Я всерьез думаю, что не смогу здесь жить. Тут воняет капустой и батарейками. Это просто невозможно.

Женщины, услышав эти слова, потрясенно переглянулись. Словно дюжина голов посмотрела на свои отражения в зеркале.

– Нет, вы его только послушайте. К нам приехал Либераче!⁴⁴ – завизжала одна из женщин.

Женщины и дети заулюлюкали, как один, зашлись в высоком визгливом смехе, закашлявшись, выплевывали мокроту.

– Ой, я надеюсь, пианина влазит в гостиную.

– Так было приятно со всеми вами познакомиться, – сказала Агнес с язвительной гримасой. Она посадила Шагги себе на бедро и развернулась, собираясь уходить.

– Ну что ж ты так. Приятно с тобой познакомиться и все такое, женщина, – прохрипела Брайди, жесткое выражение ее лица смягчилось вокруг глаз от одобрительного подвывания. – Мы здесь все одна семья. Просто новеньких тут почти не появляется.

Женщина с похожим на череп лицом на шаг приблизилась к Агнес.

– Ладно-ладно. Столкнемся. – Она втянула воздух так, словно у нее между зубами застрял кусочек мяса. – Если только ты не будешь показывать нашим ебарям эти свои рукавчики.

Остальную часть дня, пока мужчины разгружали фургон, Шагги ходил по улице близ дома. Женщины в обтягивающих рейтузах подтаскивали кухонные стулья к окнам и с безразличными лицами садились смотреть, как из фургона выносят коробку за коробкой. Они уже

---

⁴⁴ Владзю Валентино Либераче (1919–1987) – американский пианист, певец и шоумен. В 1950-е – 1970-е годы – самый высокооплачиваемый артист в мире.

поприветствовали мальчика, неумеренно махая ему руками, снимая воображаемые шапки и потом хихикая про себя.

Он в своей новой одежке дошел до конца улицы. Дальше ничего не было. Улица заканчивалась на границе торфяников, словно сдавшись природе. Темные лужи болотной воды были неподвижны, глубоки, выглядели страшновато. Необозримые леса бурого тростника поднимались из травы и медленно наступали на поселок, намереваясь вернуть его в свои владения, отобрать у шахтеров.

Шагги посмотрел, как босые дети играют в угольной пыли. Он близ посаженных муниципальными властями кустарников делал вид, что изучает маленькие красные цветочки, рассматривал каждый, оценивал размер, а на самом деле ждал, когда другие дети позовут его присоединиться к ним. А те гоняли кругами на своих велосипедах и не замечали его. Он давил белые ягодки между пальцами, напуская на себя безразличный вид, потом пытался вязкой жижей замазать блеск своих хороших ботинок.

Шахтерские подбитые гвоздями ботинки высекали искры из асфальта. Мужчины медленно, один за другим потянулись по пустой дороге. Гудок на угольной шахте, извещающий о конце смены, давно молчал, но мужчины подчинялись мышечной памяти о существовавшем прежде порядке. Они направлялись домой с окончанием рабочего дня, хотя заканчиваться было нечему, только живот успел наполниться пивом, да спина согнулась под тяжестью забот. Их спецовки были чистыми, а ботинки сияли, когда они шаркали по дороге. Шагги отошел в сторонку, пропуская их – они прошли с опущенными головами, словно уставшие черные мулы. Каждый мужчина молча собрал по кучке тощих детей, которые послушно потянулись за отцами, словно почтительные тени.

Агнес встала за входной дверью и закрыла большую стеклянную дверь с защитой от сквозняка. Думать она не могла. В тесном карманчике между двумя дверями она допила банку, которую тайно привезла на дне сумки. Она прижалась лицом к стене, холодной и успокаивающей. Каменная стена была плотной и влажной, Агнес заранее могла сказать: нагреваться стена будет медленно.

Она долго стояла в этом своем укрытии, наконец прошла по коридору мимо двух маленьких спален. В середине первой неподвижно стояла Кэтрин. Дикае шахтерские дети, опираясь локтями о карниз, заглядывали в окно спальни, словно в клетку зоопарка. Она, ошеломленная, только и могла, что смотреть на них в ответ. Деревянные рамы были плохо подогнаны, и потрескавшаяся оконная замазка предупреждала о холодных ночах и влажных стенах. Детские голоса с улицы доносились до Агнес с такой ясностью, словно дети стояли прямо перед ней.

Лик нашел другую комнату. Он открыл сумку, в которой лежали его рисовальные принадлежности, и теперь, лежа на голом полу, рисовал углем черные холмы. Потом он взял пастельный карандаш и нарисовал фигуры людей в темных спецовках – тех самых, которые наблюдали за их приездом. Они стояли на вершинах холмов, как деревья без листьев. Она наблюдала за сыном, завидуя его таланту исчезать, улетать, оставляя всех позади.

Других спален, кроме этих двух, в доме не было. Третья, обещанная им, явно оказалась гостиной, и она, обойдя дом трижды, поняла, что всем детям опять придется поселиться в одной комнате.

Шаг стоял в конце коридора и равнодушно смотрел на нее. Ветер растрепал его начес, и он, поймав выбившиеся пряди, попытался слюной закрепить их на прежнем месте, потом отошел в открытую кухоньку и поманил ее рукой. В кухне была большая, похожая на дыбу, потолочная вешалка для сушки одежды. В дальнем конце был аккуратно повешен на просушку задеревеневший комплект шахтерской одежды от носков до белого нижнего белья и синей синтетической рабочей рубашки. Вернется ли сюда когда-нибудь из шахты владелец за своим добром? Может быть, они поселились не в том доме?

Дверцы шкафов из ДСП местами облупились, и Шаг ногтем мизинца отковыривал ламинированную облицовку с одной из них. За ним в углу над плитой протянулась лоза черной плесени. Он, не глядя на Агнес, сказал как ни в чем не бывало:

– Я не могу остаться.

Поначалу она даже глаз на него не подняла. Она подумала, речь идет о том, что ему пора отправляться на смену зарабатывать деньги. Он часто так делал – возвращался домой с работы только для того, чтобы сообщить, что уходит поработать еще. Он никогда не был домоседом.

– Когда тебе обед приготовить? – спросила она, уже начиная думать о том, где у нее лежат фритюрница и ножи для хлеба.

– Мне больше не нужны твои обеды. Ты что – не поняла? – Он покачал головой. – Все. Я больше не могу оставаться. Не могу оставаться с тобой. Со всеми твоими потребностями. Со всем твоим пьянством.

И только тут она увидела, что парчовые чемоданы стояли в одном ряду с упаковочными коробками, а красных чемоданов в доме не было. На лице у нее, вероятно, появилось выражение абсолютного смятения, потому что Шаг, встретив ее взгляд, неторопливо закивал, как это делают, дав ребенку лекарство, и словно подгоняют его, чтобы эта бяка поскорее попала в желудок. Агнес отвернулась. Она не хотела понимать его слова. Она не желала глотать эту пилюлю. Она перестала вспоминать, где у нее фритюрница, принялась перебирать бисер на джемпере, поправлять его так, чтобы он играл на свету, она тянула время, не зная, что ей делать теперь.

– Все, – повторил он.

В кухне был единственный стул со сломанной спинкой, в пятнах краски, – стул, на который вставали, чтобы дотянуться до верхних полок. Агнес тихо закрыла дверь, дети в коридоре уже начали сетовать, что в доме не хватает спален. Она поставила сломанный стул перед дверью, села на него.

– Почему тебе мало меня?

Шаг моргнул, словно не веря собственным ушам. Он тряхнул головой и, заговорив, ткнул себя в грудь.

– Нет, моя дорогая. Это почему тебе мало меня?

– Я ни разу не посмотрела на другого мужчину.

– Я не об этом говорю. – Он потер глаза, словно от усталости. – Почему твоей любви ко мне не хватает на то, чтобы ты бросила пить, а? Я покупаю тебе лучшие шмотки, работаю по две смены. – Он уставился в стену, нет, не в стену, а куда-то дальше, сквозь нее. – Я даже думал, если ты родишь от меня, может что-то изменится. Но нет. Даже ребенок не смог тебя угомонить.

Он грубо ухватил ее за локоть, пытаясь поднять со стула. Агнес резким движением оттолкнула его руку и снова села, как мирная протестующая.

Она оказалась в опасном промежуточном состоянии. Она выпила достаточно, чтобы пребывать в бойцовском настрое, но еще недостаточно, чтобы удариться в безрассудство. Еще два-три глотка, и ее разрушительные способности, сквернословие, коварство вышли бы из-под контроля. Он смотрел на нее, словно пытался предсказать погоду, надвигающуюся из ущелья. Он опять ухватил ее и попытался поднять, пока не хлынул ливень с ее черных туч.

Агнес вырвала свою руку, снова села и выпрямилась. Она долго изучала его холодным взглядом, никак не могла поверить в происходящее.

– Нет. Ты ко мне относишься не так, как я этого заслуживаю. Это не случается с такими женщинами, как я. Я что говорю: ты посмотри на меня. И посмотри на себя.

– Не ставь себя в дурацкое положение.

Он схватил ее за грудки.

Шагу пришлось применить силу. Она не закричала, когда он за волосы стащил ее на пол. Агнес прижалась к низу кухонной двери так, словно собралась удерживать его здесь вечно. Он шарахнул дверью ей по затылку, словно она была загнувшейся кромкой ковра. Когда он перешагивал через нее, его правый ботинок задел снизу ее подбородок, вспоров жемчужно-белую кожу.

– Пожалуйста, я тебя люблю. Правда, – сказала она.

– Да-да, я это знаю.

Когда черное такси вырулило на Пит-роуд, ее дети стояли в коридоре, а Агнес, сверкающая и пушистая, лежала, как вечернее платье, уроненное на пол.

Красные кожаные чемоданы так и не попали в шахтерский дом. Шаг не возвращался к ней несколько дней, а когда появился, чемоданов с ним не было. Чемоданы он отвез к Джоани Миклвайт и засунул в освобожденное для них место под кроватью. Агнес узнала об этом не сразу. Шаг просто объявился как-то вечером, нежно поцеловал ранку на ее подбородке и уложил на раскрытый диван в гостиной.

Шаг стал приезжать в свои ночные смены и использовать ее таким образом. Он дожидался ранней ночи, когда дети уже спали, а потом, в своей выглаженной рубашке, беспечно насвистывал в коридоре. Она, раздевая его, видела, что его нижнее белье выстирала и прокипятила другая женщина. Когда они заканчивали, он лежал какое-то время, пока Агнес не обвивала его руками, и тогда вставал и уходил. Если у нее была приготовлена для него какая-то еда, то он мог ненадолго задержаться. Если она донимала его вопросами или жалобами, он уходил и в наказание не появлялся несколько ночей.

Когда он ушел, Агнес осталась лежать на разложенном диване, потому что не могла лечь в их кровать без него. Остаток ночи она пролежала без сна, уставившись в потолок, а мальчики спали в своей комнате рядом. В ту первую осень Кэтрин перебралась на матрас к матери, и они вместе лежали в этой влажной, пропахшей плесенью комнате.

– Почему бы нам не вернуться в Сайтхилл? – шепотом спрашивала Кэтрин. Но боль не позволяла Агнес объяснить это дочери. Она знала: он никогда не придет, если она вернется к матери.

Она должна была оставаться там, где он ее бросил.

Она должна была принимать малейшую его доброту.

Наконец наступила ночь Гая Фокса⁴⁵, и воздух наполнился запахом костров и горящих покрышек. Лик и Кэтрин стояли у окна и смотрели на костры, горящие в болотной тьме. Малышня пускала друг в друга фейерверки, словно свистящие ракеты. Такие забавы казались здесь делом редким.

Телевизор по-прежнему стоял частично завернутый в простыню на полу в углу – им еще предстояло заняться. Кэтрин уселась на диван, ее мокрые волосы были замотаны полотенцем. Она собиралась послушать вечерние новости, а потом еще одну ночь провести под плач матери в темноте.

Агнес ждала в глубине кухни. При выключенном свете из этой комнаты открывался лучший вид на Пит-роуд. Каждую ночь она высматривала черное такси и загоралась надеждой, услышав рокот дизельного двигателя. Она весь день прикладывалась к пивной банке, но это ей не помогало. Она ходила между окном и своим тайничком под кухонной раковиной. По

---

⁴⁵ *Ночь Гая Фокса*, также известная как *Ночь костров* – ежегодное празднование в ночь на 5 ноября, когда был арестован Гай Фокс, один из руководителей так называемого Порохового заговора, и не состоялся взрыв, в котором могли погибнуть король и члены парламента.

щелчкам фиксатора дети могли посчитать, сколько раз она открывала шкафчик, а значит, и делала глоток-другой.

– Ма, что можно поесть? – прокричал Лик с канапе.

Агнес перестала отковыривать корочку на подбородке. Она посмотрела на кастрюльку на электрической плите.

– Могу суп подогреть.

– Гороховый? – спросил Лик.

– Да.

– Не, если в нем горох, не надо, – сказал Лик, слегка уязвленный тем, что его пятнадцатилетняя война с овощными супами осталась незамеченной.

– Слышь, ты, недоумок, – ну и пусть гороховый, зато музыкальный, – съязвила Кэтрин.

Лик уперся ногой сестре в бок и стащил с ее головы полотенце, прихватив заодно и немного волос. Он назло ей забросил полотенце в дальний угол. «Отсоси», – произнес он одними губами. Они пришли к молчаливому согласию не привлекать к себе лишнее внимание матери.

Кэтрин встала, чтобы забрать полотенце в другом конце комнаты. Она хранила свою девственность, как ей и советовала Лиззи, а потому теперь свадьба с Дональдом-младшим была не за горами, а тогда ей уже не придется делить спальню ни с братом, ни с матерью в этой влажной морозилке. Только эта мысль и удерживала ее здесь – так или иначе она вскоре должна была покинуть этот дом.

Кэтрин снова намотала полотенце на голову и щелкнула брата по лбу, потом отправилась посмотреть, что делает мать. Агнес рассеянно кружила по кухне, как игрушечный поезд. Время от времени она останавливалась и открывала шкафчик под раковиной, наполняла кружку из банки в полиэтиленовом пакете, после чего делала большой глоток. Кэтрин открыла дверь шкафчика ногой, с облегчением увидела, что Агнес наливает себе в кружку не хлорку.

Кэтрин поморщилась, заглянув в кастрюлю с застывшим супом.

– Ма, а давай закажем что-нибудь у китайцев с доставкой.

– Хорошая мысль! – поддакнул Лик из соседней комнаты.

Кэтрин сказала только про китайский ресторан, но Агнес услышала про Шага. У нее появилась странная способность что угодно связывать с Шагом. Ее глаза просветлели.

– Я могу позвонить в диспетчерскую, узнать, приедет ли Шаг сегодня, – радостно предложила она. – Может, он привезет чего-нибудь китайского.

Кэтрин застонала. Шаг предупредил Агнес, что она не должна звонить в диспетчерскую. К длинному списку того, что Агнес не должна делать, если хочет, чтобы он приезжал, Шаг добавил и пункт про диспетчерскую. Это были его штрафные санкции по большому месту. Но, может быть, если он узнает, что дети голодны, он приедет и на несколько часов все снова будет хорошо. Она могла бы привести себя в порядок, тогда он может провести с ней всю ночь на раскладном диване. Агнес отхлебнула из кружки и задумалась над своим сценарием: вроде все нормально, трезво, просто. Говори легко и улыбайся в трубку. В прошлые разы ничего из этого не получалось, а сегодня она, сама не зная почему, ужасно хотела попробовать еще раз.

Агнес села за столик, обтянутый кожзаменителем, закурила для успокоения нервов. Набрал номер, она повернула помолвочное кольцо, словно человек на другом конце провода мог его увидеть. Золото ее обручального колечка отливало какой-то грязной желтизной.

Женский голос по телефону ответил с раздраженным хрипом:

– «Нортсайдское такси». – Голос Джоани Миклвайт. Агнес знала ее только шапочно.

– Привет, Джоани, это вы? Говорит миссис Бейн.

– О, привет, милочка. Чем могу? – Голос Джоани звучал неприветливо, как если бы она свернула за угол и наткнулась на человека, от одного вида которого ее коробило.

– Можете передать Шагу, чтобы позвонил домой? – сказала Агнес. «Знает ли Джоани, что Шаг меня бросил? – подумала Агнес. – Знают ли сослуживцы, что он не спит со мной?»

– Сейчас попробую. Повисите на трубке, милочка?

В трубке воцарилась тишина – Джоани перевела ее в режим ожидания, пока пыталась связаться с Шагом по рации. Вернулась она спустя целую вечность.

– Еще здесь?

Она застала Агнес на затылке. Агнес выпустила дым вверх.

– Да, я здесь. Нашли его?

Джоани ответила не сразу, и Агнес замерла, опасаясь услышать отказ.

– Ага. Он сказал, что перезвонит через какое-то время.

Агнес оживилась, что-то вроде надежды загорелось у нее в груди, она теперь с нетерпением ждала его, своего собственного мужа. Она подумала, не надеть ли ей к его приезду бархатное платье, еще она подумала, есть ли у нее время побрить ноги.

Потом Джоани добавила:

– Агнес, я знаю, он вам всего не говорил, милочка. – Она запнулась: – Я... я только хотела, чтобы для вас это не стало неожиданностью, у меня и в мыслях ничего такого не было. У меня своих семеро детишек. Ну и мне жаль, что так получилось.

К приезду Шага догорали последние костры. Дети уже лежали в кроватях, сердитые и голодные. Агнес не могла заставить себя прикоснуться к китайской еде. Она видела, как волосы упали у него с плечи, когда он заталкивал большие куски себе в глотку. Он, несмотря ни на что, не потерял аппетита, и это убивало ее. Агнес потеряла виски и села распаковывать еще не распакованное. Красных чемоданов по-прежнему не было.

– Она хорошая хозяйка?

– Я бы не сказал, – ответил он, не поднимая глаз.

Агнес приложила к банке лагера и пила, пока ей не понадобилось перевести дыхание. Она опустила банку, вздохнула и спросила:

– Симпатичная?

– Я тебе сказал по телефону. Не хочу я никаких гребаных разговоров о ней. – Он разломил пополам кусок белого хлеба. – Дай поесть спокойно. Я не ругаться сюда приехал.

Агнес надолго замолчала, тщательно обдумывая, что сказать дальше. Ее левая рука беспокойно трогала нож. Ее разрывало между желанием начать ссору и зарезать его и желанием оставить здесь подольше. Когда она заговорила снова, ее голос звучал ровно и спокойно. Ей помогало и то, что она не смотрела на мужа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.